

Николай МОРОХИН

ГРЯД КЯЯЖЕН

ПУТЕШЕСТВИЕ
В КИТЕЖ

Неведомая Русь

Николай Морохин

**Град Камен.
Путешествие в Китеж**

«ВЕЧЕ»

2015

Морохин Н. В.

Град Камен. Путешествие в Китеж / Н. В. Морохин —
«ВЕЧЕ», 2015 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-8429-6

Невидимый город праведников – Китеж, Китеж-град, по легенде, погрузился под воду озера Светлояр во дни Батыева нашествия. Как гласит легенда, только праведники и святые могут увидеть этот город. Только истинно верующий достоин слышать перезвон китежских колоколов. До сих пор множество православных христиан отправляются в Нижегородское Заволжье, чтобы совершить паломничество на берега святого озера. Люди стремятся к этому удивительному месту, где земная твердь заключила в свои объятия крохотную алмазную каплю Вселенной. Озеро, подобно оку, обращенному в просторы космоса и вечности, отражает в своих таинственных водах отблески легендарного прошлого и далекого будущего Руси-России. Книга нижегородского писателя и журналиста Николая Морохина предлагает читателю отправиться в увлекательное путешествие к озеру Светлояр и Китеж-граду.

ISBN 978-5-4444-8429-6

© Морохин Н. В., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

1	6
2	12
3	14
4	20
5	36
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Владимирович Морохин

Град Камен. Путешествие в Китеж

Посвящается Петру Александровичу Родину

© Морохин Н.В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Благодарю за помощь в осуществлении издания Андрея Панкратова.

За содействие в подготовке рукописи спасибо кандидату исторических наук Дмитрию Павлову.

Выражаю свою признательность за предоставленные редкие фотографии директору природного парка «Воскресенское Поветлужье» Алексею Грозе, доктору биологических наук Николаю Баянову, а также историко-художественному музею «Китеж» (село Владимирское Нижегородской области).

1

Телефонный звонок.

Почти раздражаюсь оттого, что звуки идут из недр кармана моей куртки, а его перехватил в машине ремень безопасности. Подлезаю под него рукой, нащупываю сотовый и пытаюсь его вытянуть так, чтобы не нажать на какие-нибудь не те кнопки... Ну, кто там еще?

Нет... И не буду сегодня... Да, уехал... В «Китеж» уехал...

А ведь на самом деле в Китеж.

Месяц назад нижегородский издатель Олег Алексеевич Рябов, которого я почитаю как человека выдающегося, как поэта и организатора выхода, наверное, самых содержательных книг о прошлом города, предложил мне задачу:

– Я хочу сделать путеводитель о граде Китеже. И я думаю, ты его напишешь. Тут все просто: книга такая, что мы приезжаем с ней на озеро Светлояр, а ты в ней рассказываешь все, что знаешь... Ты же ведь о нем все знаешь?.. И рассказывай просто и интересно. И так, чтобы все поняли – и академик, и пятиклассник.

Для начала я отказался от этой идеи. Не потому, что kota надо просить три раза... А что там, собственно, рассказывать? Все уже вроде сказано. В 80-х годах прошлого уже века над книгой «Град Китеж» работал мой отец, он ездил в этот край в экспедиции, собирал легенды, изучал старые публикации – и сборник получился. Есть старая, написанная еще в 30-х годах прошлого века книга Комаровича о Китежской легенде – сложная, понятная лишь человеку, который «в теме». Но нет четкого, конкретного ответа на самый главный вопрос: так где же этот самый ваш град Китеж? – нет.

Времени, в сущности, для нормальной, серьезной работы над новой книгой у меня не предвиделось. Что еще?

– Ну, вот и собери все, что есть. И легенды чтобы были. И посмотри, что поэты писали. Ну, не знаю – тебе виднее.

Археолог большую часть своей жизни проводит в библиотеке. Это – засевшая в голове фраза из американского фильма-фэнтези про ученого.

На что же я надеюсь, поехав из Нижнего Новгорода за Волгу, на Светлояр, сегодня, в этот апрельский день?

Да на очень простую вещь. На то, что будет солнечно и можно попробовать в совершенно для этого нетрадиционное время поснимать озеро, с которым связаны эта чудесная легенда. Чтобы где-то еще лежал снег. А он на краю леса белый даже в апреле. Чтобы пробивалась юная травка.

Вообще, апрель – самое лучшее время для фотосъемок. Это почему-то плохо понимается многими. То, что можно вот так, с размаху назвать красотой, обаянием природы, – это совсем даже не комфортное для человека ее состояние. Летнее тепло, листва, прохладная вода – это для отдыха. Но за листвой мы очень мало всего увидим. А наше восприятие красоты природы, если прислушаться к себе, требует и какого-то разнообразия пейзажа (в голову не придет такое – любоваться спокойным морем без берегов и облаков над ним, или бескрайней пустыней, или лесом – из его чащи, откуда ничего, кроме деревьев, не видно!). Еще требует приоткрытого пространства. Именно приоткрытого, чтобы мы чувствовали какой-то рубеж, ступень, а за ней – стремительный разлет. Обилие зелени некрасиво и мешает воспринимать пейзаж.

Светлояр надо снимать сейчас – и все тут.

Озеро Светлояр. Апрель

Несколько вечеров – после работы – было проведено за книгами. Главной книгой для меня был отцовский сборник «Град Китеж», составленный четверть века назад. Маленький изящный томик со стильными картинками нижегородского художника Галия Надеждина в духе старинных икон или иллюстраций к летописным сводам.

Мой отец, долгие годы изучавший русский фольклор, не проводил большую часть своей жизни в библиотеке. Каждое лето он обязательно ездил со студентами в экспедицию. А я рос и мечтал о том, что он и меня возьмет с собой.

Летом, с самого начала июля, я жил у бабушки во Владимирской области и ждал, когда же он приедет. Наконец, я начинал приходить на остановку, надеясь, то именно в этот день он выберется из автобуса с рюкзаком... Такой день наступал – отец приезжал и очень радовался, что я его встречаю, обнимал меня. И уже после обеда мы шли на реку, садились в лодку, и я слушал, где он был, что ему рассказывали, на чем он ехал.

И было лето 1975 года. Уже в мае отец определенно сказал: поедem вместе. Но я должен хорошо понимать: придется ходить, может быть, по два десятка километров в день, придется есть в столовых, где готовят очень плохо, ехать в переполненных автобусах... Но мы отправимся на Светлояр, к граду Китежу. Потому что отец хочет собирать материал именно о нем.

Спустя годы я нашел объяснение этому его интересу.

Отец рос в небольшом поселке при затоне на берегу Оки. Было очевидно, что на роду ему начертано быть речником, и после школы он поступил в Институт инженеров водного транспорта, даже успел до войны поучиться на двух курсах. Но у него не выходило из головы то, что он услышал в старших классах на уроке литературы: учитель рассказывал о граде Китеже, об озере, расположенном всего в нескольких сотнях километров от этого поселка, о том, что люди бьются над его тайной.

Придя с войны, отец не вернулся в институт, а поступил на отделение филологии университета. Его интересовали фольклор, древние легенды. И все вело его навстречу граду Китежу.

Владимир Николаевич Морохин

Тогда, тем далеким летом, я первый раз в жизни собирал рюкзак и уже представил себе, как мы будем долго идти к озеру через лесную чащу, разговаривать с загадочными людьми – староверами, потому что они знают о граде Китеже больше всех. И я, конечно, буду прислушиваться – не зазвонит ли подземной колокол?..

В рюкзак были уложены какие-то консервы, палка колбасного сыра, две буханки хлеба. Отец объяснил: в селе всего этого можно и не купить. Тогда что есть будем?

Студенты уже выехали за пару дней до нас с руководителем группы в Воскресенский район. И мы отправлялись туда на автобусе. Он уходил утром, один раз в день. Ехать надо было долго.

Это сейчас мы катимся по Кировской трассе на нашей «девятке» и ворчим по поводу заполонивших дорогу фур. Или молчим, и тогда я прокручиваю в памяти давнюю дорогу сюда.

А тогда транспорта было мало. Первая половина дороги – около 70 километров до Семенова – была ничего так. По Семенову автобус шел, переваливаясь из одной ямы в другую. А дальше, за рекой Керженец, дорога местами была вообще без асфальта. Где-то около Овсянки, на четвертом часу пути, помнится, автобус покинул насыпь и принялся пылить по окраине поля. Дождя давно не было, и там колея оказалась в тот день явно ровнее разбитого шоссе.

Село Владимирское, где мы с отцом вышли из автобуса, выглядело просто огромным. А его главная улица бесконечно и медленно спускалась куда то к полям, к лесу. И мы шли, шли по ней.

Я хорошо знал, что с каждым встречным полагается здороваться, и люди мне отвечали.

После деревянного хлипкого моста через Люнду можно было разуться. Дорога делилась на три части – как в сказке. И идти надо по средней. Она была прямой и чуть-чуть поднималась посреди ярко-голубого льняного поля. Ноги ощущали удивительно мягкую и теплую пыль.

Да-да, сегодня предстоит пройти по этой же дороге, но через много лет. И она уже совершенно неузнаваема. Это березовая аллея. Деревьям, вероятно, полвека. Тогда они уже росли, но были прутиками, которые просто невозможно заметить, если не знать, что они есть. И поля никакого больше нет: оно зарастает постепенно молодым березняком, его не обрабатывают. И совсем даже не по той причине, что рухнуло сельское хозяйство. Вокруг Светлояра был сделан землеотвод памятника природы. И обработка поля попала в запрещенные виды деятельности. Ведь с поля во время ливней в озеро текла мутная вода со смытыми удобрениями.

Светлояр, оказывается, не в лесной чаще. А где?.. Когда он будет виден?

...Он даже не открылся – он распахнулся после какого-то шага при подъеме на самую высокую точку пологого бугра среди поля.

Таким Светлояр был летом 1975 года

Ну, где он, град Китеж?

Где он тут вообще мог быть?.. Он был такой небольшой?

На отмели стояла деревянная вышка для прыжков воду. В полугоре справа от тропы были палатки – пионерский лагерь. Школьников в нем не было: наверное, какой-то пере-сменок.

Я, конечно, в этот жаркий день полез в воду...

А дальше сидел на берегу и слушал тишину.

Она состояла из шума ветра, из шуршания трав, из неопределенных дальних звуков села. И думалось о прошлом: представлялись грозные Батыевы всадники, старцы...

Вот обязательно приду сегодня на этот мысок и посмотрю, какой он стал. Посмотрю, какой он в апреле. И наверное, тоже буду думать о прошлом. Только уже о своем. Это же ведь треть века прошла. И отца уже сколько лет нет. А я все ощущаю в своей жизни это зияние, это его отсутствие. Когда-то я иной раз старался увернуться от его внимания. А сейчас бывают минуты – и, кажется, все был бы готов отдать за его доброе слово или совет.

Вообще, как книгу-то писать?.. Вот у него этот томик «Град Китеж» – самая первая книга легенд и писательских записок об этих местах – вероятно, легко сложился в голове. И дальше он уже собирал бумаги, компоновал записи, переписывал библиотечные тексты. А мне что сегодня делать?..

Вспомнил очень точные слова, которые пару недель назад услышал в Ижевске от замечательного этнографа Владимира Емельяновича Владыкина: взрослое сиротство.

...Для начала я буду делать вид, что хорошо понимаю, с чего надо начинать работу.

Будем сегодня фотографировать. Книга должна быть цветной, с красивыми пейзажами. Так Рябов объяснял.

Рабочее название – «Светлояр – око земли». Пафосно?

Рассматривал у издателя снимок, сделанный с самолета: озеро и вправду похоже на глаз какого-то огромного существа. Не знаю, чья это фотография, но, вероятно, она попадет на обложку.

* * *

На том месте, где сейчас Светлояр, город стоял, Китежем назывался. Очень уж богомольны были жители Китежа. Десятки церквей стояли в небольшом сравнительно городе. Звон колоколов сзывал людей в церкви.

И вот однажды пришли на Русь татары. Один из отрядов хана Батия подошел совсем близко к городу. Они хотели завоевать град Китеж и покорить его жителей. Но не таковы были жители, чтобы покориться татарам. На борьбу с татарами вышли все мужчины города. Прощальный звон колоколов провожал их. Остались в городе только старики немощные, женщины да дети малые.

Храбро сражались мужчины города, да слишком неравны были силы. Погибли мужчины на поле боя. Опять рвутся татары к городу. Тогда решили выйти на бой с татарами женщины. Уходя, долго слышали они печальный звон всех колоколов. Ушли женщины и все пали на поле боя. Ни одна не захотела пойти в рабство к татарам.

Обрадовались татары, бросились к Китежу. «Некому теперь защищать город», – думали они, предчувствуя победу. Но ни старики, ни дети не захотели стать рабами татар. Возвели они руки к небу и обратились к Богу с просьбой не отдавать их в рабство к татарам.

И тогда случилось чудо. В тот момент, когда татары подошли к стенам града, вдруг зазвонили все колокола города.

Татары уж подумали, что колокольным звоном встречают их оставшиеся жители города. Но они просчитались. На их глазах под колокольный звон город стал опускаться под землю. Он опускался все ниже и ниже. Удивленные татары стояли перед ямой как громом пораженные.

Опустился город, и всю огромную яму заполнила вода. Она совсем скрыла город от татар.

В ужасе бросились татары от города, проклиная непокорный дух русских людей и все чудеса, которые происходят на их земле.

До сих пор на рассвете можно услышать колокольный звон, который раздается со дна озера. Он напоминает людям о непокоренных жителях града Китежа.

2

Пасьянс из цитат и мудрых мыслей. Таков итог работы в библиотеке. Начнем.

Открывать мою книгу о Светлояре должно что-то ключевое, весомое, помогающее понять, что перед нами не рядовая легенда: мол, тут у нас святой ключик, тут икона явилась, ходим, молимся. Это должна быть мысль о России – не меньше. Потому что масштаб Китежской легенды – такой... И хочется, чтобы это была мысль какого-нибудь классика.

Откладываю выписку, сделанную из Алексея Толстого. Его «Рассказ проезжего человека». Совсем небольшой текст, и за ним стоят ужасы и ужасы, испытанные в пугающем, переломном 17-м году. Рассказ помечен октябрём. И вдруг в конце – свет, взлет в безмерное.

«Рождается новая Россия, невидимая, единая и белая, как Китеж выходит с озерного дна... А фабрики, заводы, асфальтированные улицы – это потом придет, само собой, сейчас это не важно... И что страшно сейчас – согласен... Знаете, я еще никогда так не чувствовал, что с такой силой могу любить родину».

Вспомнить Китеж среди разрухи и горя, накануне революции – странно?

Но понимаешь: праведный, чудесно спасенный от врагов и находящийся до поры под водой город – наверное, один из самых мощных по выразительности символов, которые создал русский народ в своем фольклоре. Это особый взгляд на историю, это неубиваемая надежда на то, что тяжелые и горькие события не просто кончатся – они сами по себе случились не зря, и те, кто выстоял, будут вознаграждены. Не чем-то материальным, а огромной духовной силой, которая в то же время сумеет вернуть многое в жизни на свои места. Такие легенды становятся нам особенно дороги и важны в годы испытания, выбора, безвременья.

А в какое время живем мы?..

Вопрос только в том, какая именно сейчас стадия безвременья.

Старый анекдот про Рабиновича. Его спрашивают из-за двери, здесь ли он живет. Он отвечает – нет. И поясняет: разве это жизнь.

И правда, что-то может происходить – и жизнь в том числе – только во времени. А если время отсутствует, что подразумевает слово «безвременье», то это – как?

Где они, стены великого и невидимого града Китежа?

Что он есть, в России знают все. Только точное место многие назвать не смогут. Вот у Андрея Вознесенского нашел строчки: «...Словно вызовешь Китеж ты со дна Ильменя». На самом же деле искать его полагается здесь – в нижегородских заволжских лесах, между реками Керженцем и Ветлугой. На дне или где-то рядом с озером Светлояр, чистым, необыкновенно для этих мест глубоким, очень красивым. И разумеется, хранящим массу загадок. Не скрыт ли под водой реальный город – подобно Атлантиде? Был ли Китеж на самом деле? Как мог образоваться Светлояр – не провалилась ли здесь земля? Откуда известно, наконец, что с Китежем связано именно это место?..

Мы приедем на Светлояр, поищем ответы на эти вопросы – и в древних легендах, и в трудах ученых, и в отчетах экспедиций с результатами анализа воды и промеров озерных глубин. Вслушаемся в слова полузабытых языков, чтобы понять смысл.

Русские появились в Заволжье лишь несколько веков назад. А кто тут жил раньше? Кто придумал слово «Китеж», что оно значит?

«Предания о Батыевом разгроме там свежи», – написал с каким-то тайным страхом и изумлением об этих местах в самом известном своем романе «В лесах» Павел Мельников-Печерский.

А потом прикоснуться к живой древности сюда приходили люди, которые составили славу русской культуры, – Владимир Короленко, М. Горький, Михаил Пришвин. Китежская

легенда воплотилась в опере Николая Римского-Корсакова, в полотнах Михаила Нестерова, Николая Рериха, Ильи Глазунова. В канун Великой войны лирическая героиня Анны Ахматовой ощутит себя китежанкой. Она пошла по воду, а оставшийся за спиной град вдруг привиделся ей в пламени, и там – только что ею убаюканный «сыночек кудрявый». Образ Китежа встретится на страницах книг Сергея Есенина, Дмитрия Мережковского, Николая Клюева, Константина Федина, Максимилиана Волошина, Велимира Хлебникова.

Где-то во втором эшелоне за трагедией обязательно движется ирония. И героическое, возвышенное будет – нет, не осмеяно, а переосмыслено, спроецировано на обыденную окружающую жизнь. Нередко для того, чтобы понять, как эта жизнь обмельчала, стала суетной, как она лишилась подвига, а может быть, в итоге и самого смысла. Нет, никто не посмеется над великим: смеяться будут над тем, как мы почему-то продолжаем претендовать на причастность к нему, хотя давно не имеем к этому никаких серьезных оснований. Это будет у Стругацких: в «Китежграде» функционирует мутноватый НИИ, и его сотрудники занимаются какими-то непонятными чудесами, а больше плетут интриги друг против друга. А, например, Владимир Тендряков создаст повесть «Чистые воды Китежа»: легендарный город поднят с озерного дна, и теперь в нем райком, райисполком, районная газета и коммунальные службы – вот такая беда...

Что до исследователей, то они изучают Китежскую легенду, Светлояр с середины XIX века: первая публикация о ней сделана в 1843 году. Она пересказала загадочную старинную рукопись «Китежский летописец», которая хранилась в заволжских деревнях.

Спустившись по березовой аллее к озеру, надо двинуться вдоль его берега по солнышку – так подсказывает поворот тропы...

Так что же хотели нам поведать в легенде предки? Имеют ли разгадку светлоярские тайны?

* * *

Был царь нечестивый Батыйка, и пошел он войной на Россию. Много по пути народу положил, костей поклат, могил наделал, к Волге пришел. Через Волгу на ботниках переплыло войско. Затем ушло в Керженские леса. И стал в тех лесах становищем-лагерем. Стоит и думает: «Где искать славный город Китеж?» Думал-думал – не мог придумать. Приходят его волхвы и кудесники. Говорит один:

– Иди вправо.

Другой говорит:

– Иди влево.

Он ни того ни другого не послушал, а велел казнить, а сам пошел прямо. Шел, шел и дошел до берега. Виден на другом берегу город Китеж. Батыйка велел из пушек палить. Как пушку зарядят, как заряд полетит и прямо обратно в Батыйку и его войско и ударит. «Что это, – думает, – за город, пойду на истоки».

С вечера собрал войско, речь тогда к ним держал:

– Так-то и так, ребята, завтра с солнышком пойдем на приступ.

Легли все спать, а утром, как рассвело, ан глядят, а вместо города провалище и горы на том берегу пустые, одни рощи.

Пошел, пошел Батыйка и сгиб сам.

3

Владимирское было селом большим, спокойным, добротным. И когда я шел в 70-х по его главной улице, ощущал главное: оно словно бы ничего не унаследовало после Китежа. Оно совсем другое.

А настоящее где-то дальше.

И мы отправились в тот первый день с озера на источник Кибелек.

Это сейчас к святому лесному ключу ведет аккуратно сделанный, положенный на бревнышки тесовый настил. С него просто не хочется спускаться на землю: кругом сыро, заросли. Такие мостки – грандиозная хитрость созданного здесь несколько лет назад природного парка «Воскресенское Поветлужье». Толпы паломников, страждущих, просто любопытных способны, как известно, из самых лучших побуждений вытоптать все. А уж в сыром лесу каждый будет искать свой путь – посуше и понадежнее. На Кибелек его искать больше не надо. Просто иди вперед – о тебе позаботились. А разнотравье леса остается целым, живым.

В 70-х тропа сюда не была еще обустроена. И в лес еще надо было правильно войти. По какой из тропинок – не понять? Хорошо – повстречался степенный, серьезный человек – показал, как не сбиться с дороги. А в тайге тучи комарья. До болота еще ничего. Но дальше переброшены с кочки на кочку хлипкие доски или толстые сухие ветки деревьев. Идешь по ним, опираясь на выломанную в лесу сухую палку. Гать под тобой хлюпает и норовит погрузиться в черную жижу болота.

Серый от времени сруб ключика немного повело набок. Рядом – бумажная иконка и кружка. Все вместе смотрелось трагично, умильно и дико. Святая вода была холодной и чуть-чуть отдавала болотом. Таким я запомнил Кибелек.

Сейчас-то он совсем другой. Мостки приводят к аккуратному тесовому прямоугольнику – площадке, среди которой цвета свежего дерева колодец, прикрытой такой же сделанной из теса крышкой.

Кибелек. Место гибели китежских богатырей

Что рассказывают о Китеже, нам тогда хотелось услышать в деревне Шадрино – именно там. Она в стороне от большой дороги, вдали, за озером. И все во Владимирском говорили: вот там живут староверы. У них даже летописцы есть о Китеже.

Конечно, можно сходить к шадринцам, но будут ли они общаться с чужими? А «Летописец» нам точно не видать – кто же вынет его для малознакомых людей?

На Шадрино нам показали короткую тропу от озера через лес. Только предупредили: запала.

Это как?

Давно, объяснили, по ней не ходят. Может, где и нехорошая она уже стала.

Тропа и правда исчезла минут через десять пути. Дальше шли по наитию, несколько раз продирались по какому-то бурелому. Но вот лес просветлел, видно было – он кончается. Только вышли мы не к самому Шадрину, а к полю. Идти через него дальше было тоже непросто – особенно в знойный июльский полдень.

Улица в Шадрине оказалась длинной и пустой.

В 70-х не было принято ожидать в каждом постороннем человеке мошенника. И люди, услышав, что интересуются «стариной», поддерживали разговор. Все посылали к Авдееву, к Алексею Николаевичу.

Он оказался дома.

Это был крепкий бородатый старик, со сломанным носом. Впечатление загадочной мощи усиливал топор – в момент нашей встречи Авдеев нес его на плече по двору.

Он усадил нас на лавку. Произнес несколько незначущих фраз, что, мол, в роду у него многое помнили, знали, только кому это теперь нужно.

Через несколько минут старик Авдеев уже вспоминал свою жизнь.

– Нос-то мне конь сломал. Ой, строптивый был. Ездил на нем Бухарин. Слышали такого?.. Мне сказали: говорить о нем нельзя. А ведь это правда: Бухарин был. Я за его конем ухаживал, я в Кремле Московском служил. И Сталина видел, честь ему отдавал, как он проходил... Бухарин – он незлой человек был: и доброе слово когда скажет, если видит, что хорошо служат... Вот так... Сейчас уж никто не понимает, что это такое – в кавалерии служить.

Распутывая нить того давнего разговора, я вспоминаю, как вышли мы на тех всадников Батыя, на тех защитников Китежа – тоже ведь на конях?

– На конях-то оно – на конях. Но ведь с конем здесь и погибнуть можно. Вы на Кибелек-то ходили?..

Град Китеж защищали три богатыря – вот так говорили старые люди. Когда взял Батый Малый Китеж, то пошел со своим войском через наши леса искать Большой Китеж. И вот когда татары стали подходить к Светлояру, тут на их пути и оказались эти богатыри. Это было почти у самого озера. А болота тут были вязкие, да и сейчас откуда и не выберешься.

И тут случилось такое: конь младшего богатыря застрял в болотце около самого ручейка Кибелек. Как ни подгоняли его богатыри, конь никак не мог вытащить ног и под своей тяжестью уходил в тину все глубже. Меньшой богатырь говорит им: «Езжайте. Все равно уж мне пропадать».

Но они его не оставили.

А враги уж совсем близко подошли. Видят, что случилось, и богатырям тут же сдаваться велют.

Но они же, богатыри, разве будут сдаваться? Прямо там, на топком месте, стали рубиться с врагами. Много полегло тут татар, Но вражья сила стала одолевать. А богатыри не сошли с того места – не хотели оставлять в такой беде младшего брата.

И в битве погибли все трое. А из того места пробил ключик – очень холодный и светлый.

С Кибелека мы вышли на разговор о Китеже. И когда Авдеев стал про него рассказывать, я ощутил то, что сентиментальные романисты XVIII века описывали как трепет. Мне показалось, что этот человек там иногда бывает.

– Китеж – красивый город. Он – под землей. Со всеми домами, церквями, с монастырями его земляные колпаки накрыли, когда хан Батый к нему подошел, взять его хотел, разграбить и сжечь. Старые люди все по приметам запомнили, где что было. И нам сказали, чтобы мы знали. Как со Владимирского к озеру идешь, тут будет низкая горка справа – это Успенский монастырь. Где часовня была на горе – так там Крестовоздвиженский монастырь. Где барский дом строить хотели, фундамент еще видать – это Рождественский монастырь внизу. А подале овраг будет – это царские ворота.

Старик Авдеев смотрел вдаль тусклыми светлыми глазами и словно видел тех всадников Батыя, те сияющие церковные купола, о которых рассказывал.

Я решил нарушить запрет: меня предупреждал отец – у старообрядцев не надо просить пить. Обидятся, откажут. А уважат – тут же на твоих глазах выбросят кружку, из которой пил чужак.

– Да что мы тут сидим на солнце, – сказал Авдеев. – В избе-то прохладней будет.

Мы вошли в горницу, и прежде, чем осмотрелись, Авдеев предложил сесть на стулья и аккуратно их развернул, чтобы мы расположились лицом к нему. Потом черпнул ковшиком из ведра где-то в сенях у нас за спиной... Нет, ковш он явно не собирался выбрасывать.

– Я вот еще вам какую историю расскажу. Вот плыл святой Макарий по Волге на камушке. Мимо Нижнего Новгорода плыл. А тут женщины стирают белье. И они стали на него пальцами показывать. Вот, мол, колдун – на камне плывет!.. Он очень на них обиделся. Какой он колдун – он святой!.. Он подплыл к берегу – вот знаете, там такая река Почайна

была, сейчас уж ее нет?.. Вынул из-под себя камень, взял в руки и вдоль этой реки понес. Ну, народ ничего не понимает, что случилось. А он дошел до самого истока этой Почайны, положил там камень и говорит: «Вот вам мой камень. Он тут будет лежит. Вы о нем забудете, потеряете его. А наступит время – он зашевелится, из-под него выйдет вода и затопит город...» Слышали про такое дело? Это вот старики тут говорили.

Нет, я еще не слышал тогда эту легенду. Это потом я найду ее в старых, редких книгах. А в ту пору ее как-то и не вспоминали, и не печатали. Вот про Коромыслову башню, про куму-чародейку, про Ошару – это было на слуху.

На самый заветный вопрос: видел ли Авдеев «Летописец» – старик не насторожился, не замолчал.

– Видел, конечно. У нас дома он имелся, у дяди моего Максима. Тетрадка такая на толстой бумаге. Вот я еще маленький был – приходил к нам какой-то ученый человек, и для него дядя Максим все переписывал. Тот ему еще пятьдесят копеек заплатил. А потом пришел какой-то монашек, ночевал у нас. Взял «Летописец» переписывать – и все, больше не появлялся. Вот куда же он делся с этим «Летописцем»?..

Старик Авдеев разводит руками. А я ему не верю. Где-то он тут, «Летописец», в этой комнате, только мы его все равно не увидим.

– Нет, не найдете вы его нигде – давно уж их нет, – словно отвечает на мои мысли Авдеев и продолжает: – Времена другие, у народа интерес не к этому...

Мы встаем и собираемся уходить. Я оборачиваюсь, отставляя стул, и замираю: оказывается, все это время за моей спиной вокруг двери был целый иконостас – от пола до потолка. И Авдеев посадил нас так, чтобы мы не разглядывали образа. Да мы их и не увидели в первый момент, войдя в полумрак избы после ослепительно-яркого дня.

Останавливаться и рассматривать темные иконы нельзя. Мы учтиво киваем, благодарим его и покидаем горницу.

Есть за что благодарить. Мы же чужаки – но он оценил, заужавал наш интерес к старине и оказал, возможно, высшее гостеприимство – даже переходящее черту дозволенного.

Он был хозяином положения и мог просто не разговаривать с нами. Но он стал говорить.

Кони – богатыри – Китеж – Макарий с камушком... Странная канва разговора.

Рассказанное Авдеевым я старательно записывал в тетрадь, а вечером в школьном интернате, где теперь музей, сидел и переписывал набело. Собственно тексты эти мои давно уже напечатаны в книгах, и не раз.

Но о канве разговора я думал потом много лет.

Почему он дальше сам стал рассказывать эту историю о Макарии? Почему он вспомнил именно о нем вслед за Китежем? Может быть, что-то, связанное с Китежем, отозвалось в судьбе Макария?

Жизнь Макария еще удивит меня спустя годы. Когда я осознаю, что она была невероятно длинной для человека Средневековья. Как можно было прожить 95 лет в ту эпоху без антибиотиков, профилактических прививок?

А он прожил именно столько, родился в 1349-м и умер в 1444 году. Дом его небогатых и благочестивых родителей стоял в Нижнем Новгороде через овраг от кремля где-то рядом с церковью Жен Мироносиц в Петушкове. Сегодня это улица Добролюбова. Название «Петушково» и, разумеется, причина его появления давно забыты. И может, теперь именно там, где был этот дом, проносятся трамваи.

Почаинский овраг – он совсем рядом. Представляю его шесть веков назад: наверное, там был лес – березы, толстые старые липы. На дне журчала речка. К ней спускалась дорога – в Нижний, к кремлю жители Петушкова часто ходили и ездили. Это была речка детства Макария.

Печерский монастырь в полугоре над Волгой – там, в четырех верстах от родного города, юноша, навсегда уйдя из дома, постигал веру, слышал мудрые слова наставников. Дальше были подвижническая жизнь, лишения. Уже очень немолодым человеком Макарий основал обитель на краю глухого леса в устье Керженца – при границе с землями, на которых безраздельно хозяйничали в ту пору татарские ханы. И все было сожжено, уничтожено Улу-Мухаммедом. Хан во время набега убил одних монахов и угнал других вместе с пленниками в свою столицу.

Набег, грозный татарский правитель, исчезновение монастыря – нет ли здесь какого-то отзвука китежской истории?

Но пройдет полтора столетия – и монастырь возродится. Да и судьба самого святого старца не оборвется трагически в казанском плену. Степенный, мудрый, благородный Макарий потрясет Улу-Мухаммеда. И потому будет отпущен, а с ним получат волю и другие монахи. Но с условием – никогда больше не селиться в устье Керженца.

Легенды рассказывают, как много дней они возвращались в родные края по ветлужской тайге. Говорят, им встретился олень. Голодные люди приняли его как подарок. Но Макарий сказал им: это испытание – сейчас пост, и его надо соблюдать, а не искать оправданий. Жители Поветлужья верят: Макарий встретился в те дни с Варнавой, который считается небесным покровителем их края.

О чем говорили два старца?

Судьба отпустила Макарию еще несколько земных лет, и он сумел положить начало новой обители в глухих лесах по Унже.

Сюда и тянулись к нему люди за помощью – и при его жизни, и потом.

Белый старинный храм, куда сегодня идут к его мощам, аскетичен, как и сама жизнь Макария. Он стоит посреди монастыря в Костромской области, в городе, который носит его имя, – Макарьев, на высоком берегу над Унжей. Те, кто шепчет молитву, верят в доброту этого человека с суровым темным лицом на иконе.

О чем же говорит легенда – та, которую в тот день рассказал нам старик Авдеев. Что за смысл в этой истории?

Нет, не мог Макарий обидеться на неразумных женщин, не мог покарать за них весь город. А уж если вспомнить, что это родной его город, родная его речка, которую он помнил с первых лет жизни...

«Вот вам мой камень»...

Может быть, ему открылась какая-то страшная страница грядущей судьбы Нижнего Новгорода? Не хотел ли он предупредить нас о ней, может быть, приготовить к какому-то повороту в развитии событий? Не в назидание ли нам положил свой камень, предупредив, чтобы помнили об этом. Ведь передает же легенда его слова: «Вы о нем забудете».

А страница эта в истории предопределена такой же, как у Китежа: его затопят воды.

* * *

Когда хан Батый наступал на землю русскую и дошел до слияния рек Оки и Волги, разгромил он дружину князя Юрия у Малого Китежа и взял тот город, а люди русские ушли в керженские леса по тайным дорогам и тропам и укрепились во граде Китеже Великом, что стоял у озера Светлояр.

Хотел Батый нагнать и разгромить войско русское, да потерял след – глухи керженские леса. Тогда стал искать он проводника для своего войска. Хватал людей, а потом пытал их, но никто не выдавал дороги к Китежу Великому.

Попал в плен к Батыю и Гришка Кутерьма. Не выдержал он пыток и провел врагов ко граду Китежу Великому.

Произошла битва у стен города. Весь день бились ратники, и только на закате битва утихла, так как некому стало сражаться с монгольцами. Все защитники Великого Китежа полегли на поле битвы.

Но не получил хан Батый города. Стал город с той памятной поры невидимым для человеческого глаза.

Говорят люди, что если очень верить, то можно услышать звон колоколов.

Говорят, что этот город живет и по сей день.

4

Прошло несколько лет со дня той встречи в Шадрине со стариком Авдеевым.

Мой отец работал над книгой «Град Китеж». Он хотел собрать под одной обложкой самые яркие записи всех сюжетов, которые касались так или иначе Китежа. И здесь же фрагменты повестей и стихотворений, связанных с легендой, работы исследователей.

Я, в ту пору уже ставший студентом, сидел вечерами в библиотеке, переписывая для будущей книги старые журнальные статьи.

Сказать честно, публикации XIX века были в массе довольно однообразны. Очередной автор рассказывал о том, как он приехал (или пришел) на озеро Светлояр, что он там увидел. Затем следовал обязательный пересказ известного сюжета легенды. И завершалось все обычно сдержанно-осуждающими фразами – речь шла о святыне «раскольников».

Интересно было посмотреть, с чего же начинаются по времени эти публикации о граде Китеже – там-то что писали?

Самый первый текст из найденных оказался датирован 1843 годом. Этот текст – пусть даже в каких-то выдержках, не целиком, – должен появиться и в той книге, которую готовлю я.

В пожелтевшем 12-м номере журнала «Москвитянин», страницы которого было перелистывать просто даже как-то страшно – не повредить бы неловким движением хрупкую бумагу! – была напечатана статья Меледина (инициалы его не указаны) «Китиж на Светлоярном озере».

Тогда, много лет назад, она заставила вспомнить и Авдеева, и разговор в Шадрине.

Меледин сразу же интриговал читателей журнала:

«В Нижегородской губернии, в Макарьевском уезде, в 40 верстах от города Семенова, есть село Владимирское, Люнда тож. Близ села, за полем, красуется озеро Светлоярское, из которого вытекает небольшой источник; на юго-западной стороне от берега озера идет небольшая гора, если только называть горой всякую отдельную возвышенность...

Всякий бывший в этом селе, может быть, полюбовался бы зыбкими водами озера, а на горку эту и не обратил бы внимания. Но стоустная молва, разглашающая о ней дива дивные, подстегнула мое любопытство, и я решился посмотреть на нее и исследовать молву пообстоятельнее. Молва, несмотря на свои видоизменения, твердит единогласно, что под этой горкой скрыто сокровище, какое едва ли где и будет когда-нибудь.

Не подумайте, что это клад, зарытый Соловьем Разбойником, Стенькой Разиным или панями польскими... Здесь народ набожный и тленное богатство мира сего не считает сокровищем...

Окружные жители это место считают святынею, и их благоговение, издавна укоренившееся, не ослабевает, но усиливается: они утверждают, что в недрах земли под этим бугром есть город и что в нем доныне живут святые люди. Знатоки из окрестных жителей указывают приходящим даже части города. Под этими холмами, говорят они, городские стены; в том месте, где начинается углубление, большие ворота в крепость; под бугром на правой стороне соборы Воздвижения Честного Креста, подле него – Благовещения Пресвятой Богородицы, под бугром на левой стороне – Успения Божией Матери. Все эти храмы точно такие же, как Соборы этого имени в Ростове, Владимире и Муроме, и Малом Китиже, что на берегу реки Волги (Городце), потому, говорят они, что все эти города и соборы построены одним великим князем Георгием Всеволодовичем. Город Великий Китиж, по их словам, построен в 6676 году: он гораздо более Малого Китижа, занимал 150 сажен в длину и 100 сажен в ширину».

Меледин писал о том, что к озеру по праздникам собираются в ожидании чуда сотни паломников. «Люди благочестивые временами будто бы слышат там радостный благовест и звон Богослужения, иногда видят огонь от горящих свеч; при ударе же солнечных лучей озеро отражает тени церковных крестов... Рассказывают, что когда-то один пастух, заблудившись у этой горки, нечаянно попал в это подземное жилище и там видел величественных старцев. Проведя у них ночь, вместе с ними вкусил их хлеба, который, потому ли, что был чрезвычайно вкусен, а может быть, потому, что пастух был слишком голоден, так ему понравился, что он утаил себе кусок его. Пришельцу из верхнего мира не хотелось оставлять жилища этих подземных старцев – но святые не позволили ему оставаться у себя, потому что он попался к ним нечаянно, а не по желанию. Возвратясь в свое поле, он посмотрел украденный хлебец – но хлебец – оказался гнилушкой... И ныне многие проходят туда невидимым, сокрытым от нас ходом, войдет туда всякий, кто только непременно пожелает быть там, уйдет, не сказав никому, забыв все земное и не взяв с собою ничего – даже хлеба».

Автор этой первой статьи вскользь говорил про «книгу», которая есть у «грамотных людей», о загадочных событиях прошлого вокруг Светлояра.

В последнем абзаце статьи журнал нашел возможным упомянуть: все описанное – это «обычай местных старообрядцев». А завершался текст совершенно неожиданным словом. Таким, что теперь его смущенно снимают все, кто эту статью перепечатывает. Говорилось о том, что обычаи эти интересны с точки зрения изучения старины, особенностей местного населения и... «юмористики». Может быть, редакция журнала, ожидая цензурных запретов на публикацию, желала перевести сказанное в другую плоскость, изобразить несерьезным все рассказанное Мелединым, превратить как бы в курьез и нелепость?

Статья была «дозволена цензурою». Но, вероятно, чиновник, написавший эту резолюцию, потом имел случай о ней всерьез пожалеть. Опасное слово «старообрядцы» было сказано. Речь шла – и это было ясно каждому думающему читателю – о святыне «раскольников». А их в ту пору еще преследовала официальная власть.

Как хорошо известно сейчас по архивным данным, статья, в самом деле, вызвала следственные действия. Было установлено, что ее автор – Степан Прохорович Меледин, житель города Семенова. Недавние публикации краеведов позволяют точно назвать годы его жизни: 1786–1865, но фотографии Меледина, вероятно, все-таки не существует. Знаменит этот человек в своем городе был тем, что создал общедоступную библиотеку. Затем именно его собрание книг стало фундаментом современной универсальной научной областной библиотеки в Нижнем Новгороде. Много раз сталкивался с тем, что, рассказывая о Меледине, пытаются сделать его бескорыстным подвижником, который не жалел сил и средств для просвещения народа. Вряд ли это было так. Меледин был торговым человеком. И библиотеку он создал платную: читатели платили за пользование книгами неплохие деньги. Нет-нет, я не осуждаю уважаемого Степана Прохоровича. Это только к тому, что он и сам бы не одобрил тех, кто приписывает ему не совершенные им подвиги.

Известно о Меледине и другое. Он был «коноводом раскола». Именно так написал о Меледине Павел Мельников, нам знакомый прежде всего как автор замечательных романов «В лесах» и «На горах».

Сейчас непросто было бы ответить, как относился к Меледину именно Мельников. Мы считаем его нижегородским писателем, на самом же деле его юность прошла в Семенове, очень в ту пору небольшим городе, где все были на виду. А уж Меледина знал каждый. Вероятно, Мельников хорошо представлял себе, о чем говорил.

В самой середине XIX века будущий писатель работал чиновником Министерства внутренних дел по особым поручениям. Ему было тридцать с небольшим. Позади – должности учителя в гимназии, редактора в губернской газете, первые краеведческие изыскания и публикации. Он обратил на себя внимание – и сделал карьеру, получил, по сути, генераль-

скую должность с большими полномочиями. Ею Мельников очень дорожил как человек, у которого не было ни богатого наследства, ни большой крепостной деревни. Поручения оказывались очень различными, но всегда сложными и ответственными: он вел борьбу против пожаров и эпидемий, выполнял трассировку будущих железных дорог, боролся против взяточничества. Но самое главное – он занимался тем, что сейчас называют аналитикой. Он изучал разные слои населения, обстоятельно знакомился с жизнью «инородцев», как с некоторой тенью подозрения называли тогда нерусских людей, осмыслял деятельность сектантов. Требовалось понять настроения людей, оценить их отношение к государству, понять, что нужно, чтобы внутри страны не зрели условия для «измены».

С позапрошлого века о Павле Мельникове в пишущей среде создавали недоброе мнение. Он был чужим и для славянофилов, и для западников, как крупного чиновника его недолюбливали демократические литераторы. Михаил Салтыков (Щедрин), например, лишь в последние годы жизни оценил его книги – и то ограничив их достоинство как настольных для исследователя русской народности. А до этого называл прозу Мельникова «псевдонародной», «ухарской», самого же автора характеризовал «подлецом не зlostным, а по призванию» – такой со стороны виделась его служба в министерстве. «Таланта немного», – уклончиво писал о Мельникове Николай Некрасов. Ангел Богданович вслед ушедшему уже Мельникову бросил: «сыщик-доброволец», «дошлый малый». А литературовед Леонид Ильинский в 1912 году ядовито констатировал о Мельникове, что «слава едва пережила его». Но ведь – ничего подобного! С того момента прошло больше века. За долгие годы почти полностью утратился интерес к массе литературных имен XIX столетия: многие ли сейчас читают, например, Успенского, Слепцова, Левитова, Златовратского? А ведь современники высоко ставили их за правдивость в изображении народной жизни и социальных проблем. Но вот прозу Павла Мельникова за XX век издавали десятки раз, вышли собрания его сочинений. Его читают, инсценируют. А в новом веке даже сняли сериал по его романам «В лесах и на горах».

Стоит ли ставить в вину Мельникову то, что он был государственным, дорожил единством народа и хотел простой вещи – мира и понимания между жителями России? Он был убежден, что служит именно этому.

Расхожим было рассуждение о том, что он разорял, уничтожал старообрядчество, что именем Мельникова на Керженце чуть ли не пугали детей. Но знакомство с фактами убеждает в том, что ему напрасно приписывают этакий «разгром староверов». На деле же, изучая документы, понимаешь: его доклады способствовали в итоге тому, чтобы со стороны власти преследование старообрядцев наконец прекратилось, чтобы они получили равные права с «правильными» православными жителями России. Однако Мельников имел право поступать и поступал жестко с теми, кого считал вносящими опасный раскол в жизнь народа, кто пытался вести людей к явно ложным, опасным и бессмысленным ценностям, с изуверами.

Слово «юмористика» в мелединской статье не спасло автора от долгих и мучительных расследований. Объяснить, что в тексте журнала не пропагандировалось, не прославлялось старообрядчество, было сложно. Тем более что оно там пропагандировалось и прославлялось.

В истории народов и государств бывают события, перемены, которые продолжают влиять на жизнь людей, волновать, вызывать споры даже спустя несколько веков.

Церковная реформа произошла в России в далеком XVII веке. Но последствия ее ощущали и тогда, спустя триста лет, и сегодня. Больше двух миллионов жителей страны – причем не только русских – продолжают не принимать те изменения, которые тогда были внесены в обрядовость, и противопоставлять себя Русской православной церкви: куда уж серьезней.

События, происшедшие в духовной жизни России в середине XVII века, не были какими-то исключительными для цивилизованного мира. Церковные реформы с кровавыми последствиями сопровождали в Средние века становление так или иначе всех европейских наций. Достаточно вспомнить Варфоломеевскую ночь в 1572 году, когда католики вырезали во Франции около 30 тысяч гугенотов, или Тридцатилетнюю войну в Германии полвека спустя. Но в большинстве случаев в Европе попытки реформирования были протестом против духовной власти, которую насаждало государство: протестанты отстаивали нововведения демократического, национального толка. А в России реформа была жесткой рукой проведена сверху. И в протестантов превратились те, кто держался за привычную обрядовость.

Предложи нашему современнику представить себе русское православие 350 лет назад – и перед мысленным взором многих возникнет идиллическая картинка: лужайка с цветами и аккуратно побеленный храм, который сияет маковками. Ну, мы же все видели церкви, построенные в XVII столетии.

Церковь объединяла людей, церковь была одной из граней красоты, окружавшей их.

Но нам сложно сегодня представить себе всю меру тогдашней духовной несвободы наших соотечественников. Это сейчас мы можем верить, можем выбирать близкую себе конфессию (даже если наш выбор кому-то другому не нравится!), можем сомневаться и не верить, как умеем, сами пытаться рассуждать об устройстве мира. А тогда человек был помимо его желания приписан к определенному приходу. И пропустивший несколько обязательных посещений церкви, не совершивший несколько положенных обрядов считался не просто грешником – это было достаточным основанием для его уголовного преследования. С перспективой вырывания ноздрей, наказания кнутом, ссылки в Сибирь, а если под этим обнаруживалась некая «идейная база» – казни, например, на костре.

Но церковь открывала и перспективы перед прихожанином. Она не только была нацелена на то, чтобы поддерживать его подобающий нравственный облик, – она обещала, что в жизни другой воздастся «по делу его». Верно совершенный обряд – путь к спасению: это знали все.

Но тут вдруг выяснилось, что обряд надо совершать по-другому. Так что же – веками, выходит, обряды не имели спасительной силы и были ошибкой? И предки не смогли в результате спастись? Или, наоборот, неправильным он стал сейчас по чьей-то воле – и тогда это наущение диавола?

На эти страшные вопросы 350 лет назад каждый должен был ответить сам. Проще было не отвечать – просто слушать то, что говорил священник. Только вот почему же он говорил вчера одно, а сегодня – другое?

Объединение народа в одном государстве после долгой разобщенности требует общей духовной жизни, единых обрядов. Обычно этой в целом совершенно верной мыслью принято объяснять причины церковной реформы в России, случившейся на излете Средневековья в том XVII столетии, когда страна все более приобретала черты империи.

Однако верно и другое: лучшие, честнейшие деятели церкви сами ощущали тогда потребность в реформе – в очищении, оздоровлении духовной жизни, искоренении пережитков язычества в народном сознании и быту. Об этом говорили те, кто составил созданный в конце 1640-х годов в Москве в среде духовенства кружок «ревнителей благочестия». Его возглавили окольный Федор Ртищев и духовник царя Стефан Вонифатьев. С «ревнителями» царь Алексей Михайлович обсуждал, по какому пути дальше пойдут и государство, и церковь. В кружке были выходцы из Нижнего Новгорода: архимандрит Новоспасского монастыря Никон, протопоп Иван Неронов, чуть позже к ним присоединился протопоп Аввакум, человек, которого мы сегодня почитаем как одного из самых ярких писателей русского Средневековья. Единства во взглядах между ними не было. Провинциальные священники негодовали против народных обычаев и увеселений, призывали к аскетизму – и были

этим неприятны многим из своей паствы. Но становились ей очень близки, когда обличали мздоимство власти, развращенность высшего духовенства.

Церковную реформу в 1653 году начал царь Алексей Михайлович. Он желал видеть церковь мощным средством централизации государства.

Однако были и другие причины. Именно в те годы украинское казачество, зарвавшееся в собственных похождениях, обострившее до предела отношения и с Польшей, и с Крымским ханством, заметалось и стало искать сильных покровителей. Таких, чтобы спасли от бывших союзников. Теперь Украина просилась под руку Москвы. Для Алексея Михайловича это открывало перспективы распространить российское влияние дальше на юго-запад, присоединить земли, которые были тогда под властью Турецкой империи – но как отчетливо вспоминалось их православное прошлое. Потому для начала требовалось объединить русскую церковь с украинской. Политические аппетиты получали идеологическое оправдание: можно было провозгласить священную миссию русской церкви, ведь она защищает попираемую веру православных народов. Но требовалось пойти на формальные уступки другим православным церквям. Ведь за века их раздельного развития накопились различия в ритуале богослужения, в произнесении молитв, в сложении пальцев при крестном знамении, в текстах богослужебных книг. Вот почему Алексей Михайлович определился в том, чтобы ориентироваться на греческие обрядовую практику и новопечатные богослужебные книги. Уже до начала реформы – в 1651 году – в русских церквях по греческому образцу было введено «единогласное» пение во время богослужений вместо привычного многоголосия: так порекомендовал патриарх Константинопольский.

Русский человек XVII века воспитывался на идее о том, что Москва – Третий Рим. Он свято верил в особую роль России и ее православия, которые устояли перед внешними врагами. И тут вдруг выяснялось, что надо отказываться от своих обрядов, принять превосходство церкви греческой, которая не спасла Византийскую империю от крушения и по Флорентийской унии 1439 года позорно пыталась объединиться с католической церковью, сделать уступки «латинской ереси». Трудно было больней уязвить национальное достоинство.

Были противники у запущенной сверху реформы и среди идеологов реформирования – в кружке «ревнителей благочестия». Им казалось, что правящая верхушка навязывает пастве формальные изменения, которые совершенно не затрагивают сути назревших проблем. Это и предопределило драматизм событий.

В Символ Веры внесли поправки. Было снято противопоставление «а» в словах о вере в Сына Божия «рождена, а не сотворена», о Царствии Божием стало говориться в будущем времени («не будет конца»), а не в настоящем («несть конца»). Изменилось написание имени «Исус» на «Иисус». Двуперстное крестное знамение было заменено трехперстным, а «метания», земные поклоны, – поясными. Крестные ходы было решено проводить против солнца, а не по солнцу, возглас «аллилуйя» во время богослужения произносить не два, а три раза.

Такие ли это серьезные изменения?

Но вспомним простую и понятную для каждого сегодня вещь: вы написали электронное письмо и в адресе вставили лишнюю букву – оно дойдет?

Дорога, протоптанная множеством людей за века к берегу Светлояра, словно подталкивает человека обходить озеро по солнцу, а не против него. По-другому и не получится. Человек, который оказывается здесь впервые, обязательно пройдет мимо поворота вправо, на тропу вдоль озера, и не заметит: он уже начал двигаться вокруг Светлояра, как подобало идти вокруг храма в старые времена.

Глава русской церкви патриарх Иосиф умер в 1652 году. И его место занял Никон. Выходец из нижегородской мордвы. Его родное село Вельдеманово цело по сей день и находится недалеко от города Перевоз.

Все ли понимали тогда, что Никон мечтает о неограниченной власти не только духовной, но и земной?

Уже вскоре он добился от царя того, чтобы именоваться титулом великого государя. Никон стал вмешиваться в государственные дела и дипломатию. И наконец перегнул палку. Он провозгласил превосходство духовной власти над светской. Это означало, что царю предстояло находиться уже не на двухместном троне, а, по сути, быть на ступеньку ниже этого зарвавшегося, высокомерного, скорого на расправу мужика, инородца. Такое уже нельзя было терпеть. Потерявший поддержку Никон в 1658 году вынужден был оставить патриаршество, а собор 1666–1667 годов лишил его сана.

В результате во главе церкви, по сути, оказался сам царь.

Но оставались те «ревнители благочестия», которые видели церковную реформу совсем иной, с другими задачи. Их сопротивление новым обрядам могло показаться фанатическим догматизмом. Тем более что духовный вождь этих людей Аввакум писал в пылу полемики, что готов умереть «за единый аз». Однако еще за несколько лет до реформы сами же «ревнители» допускали изменения в обрядах и книгах. Только считали, что прежде исправления требуются в нравах духовенства, в устройстве самой русской жизни. Будущее церкви им виделось в широкой многоплановой, соборности, а реформа застолбила единовластие патриарха, попраля существование любого другого мнения.

Собор 1666–1667 годов назвал Аввакума и его соратников мятежниками, которые «возмущают народ буйством своим», посягают на авторитет церкви. Речь даже не шла о том, каких они придерживаются обрядов. На допросе Аввакум на вопрос «православна ли церковь» ответил, что «православна, а догматами церковными... искажена». В проповедях он красноречиво высказывался о том, что реформа еще больше развратила духовенство и оно уже подражает светской власти. Отвращало народ от нововведений и еще и то, что множество людей ощутило: их жизнь при Алексее Михайловиче стала хуже, тяжелее.

То, что могло показаться догматическим вопросом, выросло до широкого движения, до раскола в жизни народа, государства. Начались преследования инакомыслящих: осенью 1653 года первым был заточен в монастырь Аввакум.

Власть не сплотила тогда вокруг себя общество, а нажила массу противников, которые не приняли новых обрядов, посчитали за благо бежать от «мира», от реформы, от сильных мира сего. Вряд ли правильно называть их «раскольниками». Нет, это не они «придумали» раскол. Скорее они стали его главными жертвами.

Старообрядцев запечатлели в России как людей с реки Керженец, кержаков. Старцы основывали здесь скиты – тайные на первых порах поселения, где люди собирались жить по старому, «правильному» порядку и по справедливости. С Керженца переселялись дальше – в заволжские степи на Иргиз, в Сибирь, в заонежские леса на Выг. За «старую веру» держал долгую оборону – с 1668 до 1676 года – окруженный Соловецкий монастырь. Его монахи объявили троеперстие «печатью антихриста», и с ними рядом сражались добравшиеся до острова крестьяне, сподвижники Степана Разина. Спустя десятилетие царевна София закрепила казнь в указе «Двенадцать статей» как нормальное наказание для «хулителей церкви», «подстрекателей», «укрывателей раскольников».

Когда в 1654 году полетели в огонь «неправильные» иконы – то, что веками приучали считать святым, – прихожане замерли в ужасе. Но дальше в огонь, спасая от гибели свою душу, шагнут люди: спустя несколько лет сотни старообрядцев сожгут себя заживо в Закудемском стане на нижегородской земле. Таким был первый случай, как их стали называть, «гарей».

В самих старообрядцах не было единства. Еще в 1656 году Никон замучил Павла Коломенского – последнего епископа, который не принимал нововведений. А ведь только епископы были вправе давать сан диакона и священника. Настал момент – и умерли последние

рукоположенные священники, придерживавшиеся старого обряда. Что было делать дальше? Признать тех, кто побыл в лоне официальной церкви и вернулся все-таки к старой вере? Или же стоять на том, что больше священников быть не может? Так старообрядческий мир разделился на поповцев и беспоповцев, чьи обряды проводили наставники из числа мирян.

С 1656 года отсчитывают свою историю скиты на Керженце, всего в полусотне километров от Светлояра. В одном дневном пешем переходе отсюда по тайге – если вы знаете дорогу.

Из всех неосвоенных, непроходимых мест России, где можно было укрыться от власти, именно леса в Нижегородском Заволжье были ближе всего к столице. Первым священником, бежавшим сюда от официальной церкви, стал Софонтий.

В 1657 году были основаны две первые обители «ревнителей старой веры» возле деревни Ларионовой неподалеку от нынешнего города Семенова. В 1674 году возникли рядом Деяново, Пафнутово и Хвостиково: в глубине тайги стали жить беглые соловецкие монахи. После поражения восстания последовали лютые казни. Но многие из тех, кто сумел спастись, скрыться, смог добраться до нижегородских лесов. В окрестностях Городца, в ковернинской, семеновской тайге, собирались не согласные с реформами москвичи. Заволжье обживали староверы. И хотели утвердить этот край как свой духовный оплот.

Старообрядцам требовались свои святыни. И они появились. Одной из самых главных стал град Китеж, скрытый от врагов в водах озера Светлояр, в лесах между Керженцем и Ветлугой. В нем праведники продолжают жить вечно подобно Христу: для них после жертвенной кончины уже настало воскресение.

Но разговоры о таких святынях в старообрядческой среде – это одно. И совсем другое – попытка рассказать о них всей читающей России. Не вызов ли это государству и официальной церкви?..

Лишь спустя полтора века были опубликованы записки русских художников академиков живописи Григория и Никанора Чернецовых. Пожалуй, их имена известны сейчас не многим. Братьям, родившимся в семье скромного иконописца в маленьком провинциальном городе Лух (теперь это даже и не город, а рабочий поселок в Ивановской области), очень повезло: волей судьбы они получили блестящее художественное образование. Молодые люди оказались в столичном кругу деятелей искусства, среди добрых приятелей Пушкина. Именно Чернецовым принадлежит, в частности, одно из прижизненных изображений великого поэта, а их по пальцам можно пересчитать. На известной картине, написанной братьями, Пушкин любуется парадом рядом с Жуковским, Крыловым и Гнедичем: это весь цвет тогдашней русской литературы, в которую еще не пришли Гоголь и Лермонтов.

Открытием Чернецовых стал русский пейзаж. Двести лет назад наши соотечественники были убеждены: нет в нем ничего такого, на чем мог бы остановиться глаз. Где водопады, горы, лазурное море? Где пальмы?.. Не на что смотреть, тоска.

Первые русские пейзажи принадлежали Чернецовым и были вызовом здравому смыслу, с точки зрения их современников. Эти блеклые цвета, эта неинтересная равнина, банальные лес и речка.

Пройдут несколько десятилетий – и появится гениальная саврасовская картина «Грачи прилетели», понятная, наверное, только русскому человеку. Вот она – серая, блеклая надежда на тепло, на лето, и черные, всклокоченные грачи дорожке, а значит, красивее любых пестрых райских птиц. Будут удивительные, живые полотна Левитана, Шишкина. Русский человек и не замечал, что он, вероятно, острее многих на земле чувствует оттенки серого: серый бывает грустным, сирым (похожие слова?), а бывает обнадеживающим, торжественным, вбирающим в себя словно бы все богатство радуги.

В 1838 году братья Чернецовы исполнили свою заветную мечту. Они наняли лодку и отправились в плавание по Волге из Рыбинска до самого Каспия. Это была не прогулка.

Художники все время напряженно работали. Итогом стали живописные полотна. И не имевшая аналогов в истории искусства панорама Волги. Ее показывали в особом павильоне в Санкт-Петербурге на Васильевском острове. Зрителю полагалось сесть в лодку, которая плавала в небольшом бассейне. А дальше перед ним с одного барабана на другой перематывали холст, имевший многие десятки метров длины. На нем были берега Волги с городами и селами.

Во время путешествия Чернецовы вели дневник. Туда они записывали все важные наблюдения – увиденное и услышанное. В 1862 году в белом виде дневник вместе с другими материалами экспедиции, с карандашными зарисовками был поднесен Александру II.

Трудно сказать, надеялись ли художники на его публикацию. Но напечатан дневник был только спустя век. И при его внимательном чтении становится ясно: оказывается, именно Чернецовы за пять лет до появления статьи в «Москвитянине» стали первыми русскими деятелями культуры, которые узнали о граде Китеже.

20 июля 1838 года, оказавшись в Городце, они записали: «Между рассказами нашего словоохотливого путевода один показался нам любопытным. “В Семеновском уезде (Нижегородской губернии), верстах в ста от Городца, есть в лесу место, называемое Малый Китеж, тут находится земляной вал, и подле него озеро Светлоярое, в котором вода чрезвычайно чиста и прозрачна. В середине этого вала видны груды после бывших тут каких-то строений. В этот Малый Китеж многие от нас, от Городца, ходят на богомолье и полагают, что тут был город, куда во время Батыря (Батия) из Большого Китежа (так тогда назывался Городец) князь укрылся. Батырь, пришедши со своими полчищами в Городец, разорил его огнем и мечом так, что он долго был запустелым и даже во многих местах зарос лесом”». Этот рассказ между жителями составляет «изуственную историю Городца».

Почему «Большим» в рассказе Чернецовых был Городец, а тот город, следы которого богомольцы видели на «Светлояроем озере», – «Малым»? Может быть, это просто ошибка? Трудно сказать, как развивались бы события вокруг этого текста, если бы он был опубликован сразу же после путешествия. Узнало бы в этом случае русское читающее общество о граде Китеже? Очевидно было то, что Чернецовы смогли избежать в своем дневнике «опасных слов».

А вот после объяснений автора статьи «Китеж на Светлояроем озере» в самых серьезных инстанциях на озеро зачастили комиссии чиновников от светской и церковной власти, принялись там «наводить порядок»... Обнаружены там были, как следует из документов, хранящихся в государственном архиве Нижегородской области, и крайне опасные для духовной жизни общества старые деревья, возле которых молились люди, и «неправильно», «незаконно» поставленная у озера часовня.

Но – поздно. О Китеже уже узнали в столицах. Вслед за мелединской статьей стали появляться новые и новые публикации тех, кто приходил на Светлояр. И замалчивать существование удивительной святыни старообрядцев было уже невозможно.

«Владимирское, село Макарьевского уезда в 45 верстах от г. Семенова, принадлежит князю Сибирскому. Замечательно не по числу раскольников, где их только 110 (с отношением к общему населению (13: 100), но по сборищам раскольников поповщинских и беспоповщинских толков, бывающим близ этого села летом по ночам, а особенно с 22 по 23 июня. Здесь, на берегу озера Светлый Яр, по раскольниковому поверью, есть “невидимый город Большой Китеж”, в котором будто бы укрылся гонимый Батыем великий князь Георгий Всеволодович. Как скоро татары подошли к Китежу, говорят раскольники, город сделался невидимым и останется таким до самого светопреставления. Собираясь по ночам “на Китеж богу молиться”, раскольники, а с ними часто и православные всю ночь молятся у озера, прилепляя к деревьям зажженные восковые свечи. Старухи скитницы поют всенощные, читают каноны, а затем “Китежский летописец”, в котором заключается описание небывалого Боль-

шого Китежа с перечислением всех его церквей и монастырей, с определением обширности стен его, количества ворот и пр.», – писал Павел Мельников в «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», составленном в 1854 году.

Отдельное внимание он уделил «Китежскому летописцу» – той самой книге, о существовании которой ясно дал понять Степан Меледин. «Всякую историческую и неисторическую нелепость, сочиненную раскольниками, они называют “взятою из Хронографа”... “Китежский летописец” о начале Городца и о невидимом городе Китеже, сочиненный в Городце, также называется заимствованным из “Хронографа”, хотя ни в одном известном списке “Хронографа” нет... В 1849 году напечатана в Москве брошюра под названием “Историческое известие о Городецком монастыре”... Неизвестный автор внес китежскую нелепицу в свое сочинение, а цензор имел неосторожность пропустить ее. Раскупили книжку нарасхват и теперь показывают ее как неоспоримое доказательство их нелепых толков о Китеже, признанных будто бы и православною церковью».

Впрочем, теперь известно, что рукописная «нелепица» оказалась в руках власти даже за несколько лет до появления в печати мелединской статьи. В Государственном архиве Нижегородской области хранится «Дело об уничтожении часовни, построенной без разрешения начальства, и об опровержении летописца об этом озере и граде Китеже». В него подшито три списка этой книги. Дело это начато было в 1836 году с доноса в Нижегородскую духовную консисторию Петра Семеновича Смирнова – священника из села Владимирского. Он отобрал «Летописцы» у кого-то из прихожан. В первом доносе шла речь о бывшем учителе из деревни Петушки (сейчас – Петушиха) Варнавинского уезда – переписчике этих книг. Дальше были подшиты новые доносы все того же бдительного Смирнова, протоколы допросов местных жителей. Дело разбирали около десяти лет. И в итоге оно развалилось. Можно предположить: не само. Вряд ли в губернии хотели особенно широкой огласки в такой ситуации. Ведь книга настраивала против власти, писала о государстве, что «антихрист царствует в нем и все заповеди его скверные и нечистые». Суд постановил, что в «Летописце» «важности, кроме голословности, ничего не заключается», а обвиняемые остались «в чтении летописца неизобличенными».

«Китежский летописец» – это внушительная тетрадка, сшитая из толстой пожелтевшей бумаги. Черные, писанные по линейке буквы устава. В том списке, который случилось внимательно изучать мне, было 37 страниц.

Я перевел текст на современный русский – просто для того, чтобы не тяготила, не мешала воспринимать его древняя лексика, которая для нас приобрела стилистическую окраску и полна архаичной торжественности, а для средневековых наших предков была нормальным «серым» средством общения.

«О Китеже эта книга – летописец. 5 сентября 6676 (1168) года» – этими словами начинается она.

Но на самом деле рукопись не только о Китеже. Первые страницы – история жизни князя Георгия, его поездки, события, которые предшествовали основанию Китеж. И вот уже Георгий оказывается в Заволжье, закладывает город. Дальше нашествие Батыя, гибель князя. Рассказ о том, как Китеж чудесно скрывается от крага. Длинная нравоучительная часть. И доведенное в своем пафосе до какой-то угрожающей клятвы утверждение: все сказанное – правда.

Однако уже первый профессиональный историк, которому в руки попал «Летописец», Павел Мельников прекрасно понимал, что о правде тут говорить не приходилось. В книге до такой степени не сходились концы с концами, что он назвал ее «китежской нелепицей».

Страницы «Китежского летописца»

Мельников, конечно, знал родословную русских князей. Для начала: Георгий Всеволодович из «Китежского летописца» по идее должен был быть сыном Всеволода Большое Гнездо, владимиро-суздальским князем. Этот Георгий Всеволодович должен был в 1189 году родиться, в 1221 году – основать Нижний Новгород, а 4 марта 1238 году погибнуть в битве против монголов на реке Сить. Но «Летописец» сообщает, что отец Георгия Всеволодовича – псковский князь Всеволод Мстиславич. Этот князь, как известно по Повести временных лет, умирает в 1138 году. «Китежский летописец» не возражает против этого и воспроизводит дату с подробностями: «11 февраля 6646 (1138) года он был погребен любившим его сыном – благоверным и великим князем Георгием. И было много чудес от его святых мощей. Князь Георгий Всеволодович после смерти отца своего по просьбе псковичей был на его месте весь год».

Посчитаем: это печальное событие происходит за 87 лет до основания Нижнего Новгорода.

После похорон Георгий едет к Михаилу Черниговскому. Сделать это было мудро, ведь Михаил Всеволодович Черниговский родился, если верить Повести временных лет, только через 41 год – в 1179 году. Это сын Всеволода Чермного, праправнук Мстислава Владимировича. Он правил в XIII веке в разные годы в Переяславле, Новгороде, Чернигове, Галиче, перед самым нашествием Батыя на великом престоле в Киеве, а во время самого нашествия бежал в Венгрию. После разорения Киева Михаил вернулся в Киев и правил там, но его вызвали в Орду и казнили там вместе с боярином Феодором по приказу Батыя за то, что князь отказался пройти через священный огонь. Пишу об этом подробно, потому что «Китежский летописец» останавливается на этих биографических подробностях, значит, речь идет о «том» Михаиле. В нашей удивительной книге Георгий Всеволодович обра-

щается к нему, еще не родившему, как к старшему. И просит его: «Дай мне грамоту строить Божьи церкви и города!»

И сказал ему благоверный и великий князь Михаил: «Как хочешь, так и твори – создавай церкви Божии во славу и хвалу престолу имени Божьего. За это твое доброе соизволение награду примешь в день пришествия Христа».

От Михаила Георгий едет на северо-запад Руси к Андрею Боголюбовскому (вероятно, для нас привычнее было бы назвать его Боголюбским). Этого князя, конечно, можно считать современником Всеволода Чермного, но не забудем: он был убит заговорщиками за 13 лет до рождения Георгия Всеволодовича – основателя Нижнего Новгорода, и этот Георгий приходится ему племянником. Однако с Андреем Боголюбовским Георгий «Китежского летописца» говорит как старший с младшим – велит ему строить храм.

В конце концов переходы и плавания по рекам Георгия Всеволодовича приводят к тому, что он «переехал реку под названием Узола и вторую реку под названием Санда и третью реку под названием Санахта и четвертую реку переехал под названием Керженец. И приехал к озеру под названием Светлояр. И увидев, что место очень красиво и немногочленно, по просьбе людей повелел благоверный князь Георгий Всеволодович быть там городу под названием Большой Китеж. Ведь место это было очень красиво, на другом берегу того озера роща дубовая».

Книга называет дату основания Китежа – 1165 год, даже день – 1 мая. «Строил город тот три года и построил 10 сентября (6676) 1168 года на память святого великого Григория Армянского и иже с ним. И поехал князь Георгий Всеволодович в Малый Китеж, который на берегу Волги стоит. И построение городов тех – Малого и Большого – велел промерить, сколько поприщ между ними расстояние. И по повелению благоверного князя Георгия намеряли сто верст. Благоверный князь Георгий Всеволодович, услышав это, воздал славу Богу и Пресвятой Богородице и повелел написать книгу-летописец».

Но на востоке сгущаются тучи.

«Попущением Божиим грехов наших ради пришел на Русь воевать нечестивый и безбожный царь Батый и разорил города, и огнем жег, людей же мечу предал, младенцев ножом закалывал, дев блудом осквернил. И был плач великий благоверных. Князь Георгий Всеволодович, это слыша, плакал горьким плачем».

Дальше Георгий Всеволодович погибает в Большом Китеже во время похода Батыя. «Летописец» указывает и эту дату – 4 февраля 1239 года. Происходит это спустя 74 лет после основания Китежа и 101 год после того, как Георгий Всеволодович схоронил отца. Из сказанного следует, что в момент гибели ему было далеко за сотню лет. Это называется: столько не живут.

Не будем останавливаться на лингвистическом анализе «Китежского летописца». Он выполнялся специалистами. И вывод, который они сделали: для тех, кто писал книгу, древнерусский язык был явно неродным. Для каждой эпохи в жизни языка характерны свои особенности употребления существительных в разных падежах. И по проценту, например, слов в дательном и родительном падеже можно примерно датировать текст. Составители «Летописца» путались в сложной системе времен и чисел, чего бы точно не сделали во времена раннего Средневековья.

Вероятно, именно поэтому – чтобы не смущать читателей – «Китежский летописец» публиковали обычно только в отрывках. Там, где говорится о строительстве Китежа и нашествии Батыя, читателю все вроде бы понятно. Имя Георгия Всеволодовича привычно для жителей Нижнего Новгорода. Ну, как же – основатель города!

Но давало ли это право писать одному из именитых нижегородских историков, излагая содержание рукописи: «Великий владимирский князь Юрий Всеволодович ехал из Ярославля “на низ” по Волге и пристал к берегу в Малый Китеж»?

Юрий Всеволодович. Рис. Андрея Негина

Или еще один пример, явно никого не украшающий. Фрагменты «Китежского летописца», но лишь такие, которые не приходили в противоречие со здравым смыслом, я обнаружил в антологии «Памятники литературы Древней Руси. XIII век» (1981). Один из тех, кто составлял и редактировал сборник, – Дмитрий Сергеевич Лихачев. Такое простодушное отношение к «Летописцу» не проясняет и комментария к нему в этом сборнике. Что – име-

нитый академик не знал, что эта рукопись фальсифицирована, что она написана в другую эпоху, много позднее? Ведь если в книге идет речь о хане Батые, то это не значит, что ее надо относить к XIII веку, иначе рядом с «Китежским летописцем» было бы уместно привести в антологии роман Владимира Яна. Неужели ее составителей не смущали, наконец, рассуждения «Китежского летописца» об антихристе, обосновавшемся в Московском царстве (которого еще не было в XIII веке): «Словно нагая и бесстыдная женщина, которая, сидя на звере семиглавом, в руках своих держит чашу, полную скверны и смрада, и подает живущим в мире и любящим ее. А первым – патриарху и царю, и князьям, и воеводам, и всяким властям, и богатым и всяким людям, в этом суетном мире любящем сладости ее... Покрыл Господь этот город (речь – о Китеже) своею рукой по молению и прошению достойных и праведных, припадающих. Они не увидят скорби и печали от зверя Антихриста, только о нас печалятся и об отступлении всего нашего царства Московского, когда Антихрист царствует в нем и все его заповеди скверные и нечистые». Это из тех случаев, о которых один мой добрый друг – известный литературовед, любит писать: «Автор проговаривается».

«Эту книгу летописец написали мы в 1243 (6651) году, живя собором, и передали в святую Божью церковь на утверждение всем православным христианам, желающим прочитать или услышать. Это Божественное писание не может быть поругано, а если какой-то человек поругается или посмеется над этим переданным нами писанием, то он не над нами поругается, а над Богом и Пречистой его Богородицею Владычицею нашей Богородицею Приснодевою Марией... Это мы написали и уложили, и передали: к нашему уложению ничего не прибавить и не убавить и ничего не переменить, ни единой точки и запятой. А если кто прибавит или по-всякому переменит, да будет он проклят в предании святых отцов, которые это утвердили. А если кому-то что-то кажется неправильным, то прочитай жития прежних святых, и увидишь, как много было всего в прежние времена. Слава Троице, прославленному Богу и Пречистой его Богородице, соблюдающей и хранящей это место, всем святым! Аминь».

Этимися словами – этим грозным закланием – завершается «Китежский летописец»

Так что же – история разваливается? Превращается, не начавшись в «китежскую нелепицу»?

Да, Павел Мельников еще в позапрошлом веке не принимал «Летописец» в качестве заслуживающего хоть какого-то доверия документа о граде Китеже. Не принимал целиком и не желал его пересказывать.

Но в таком случае тут же встают другие вопросы: кто эти самые «мы», которые создали рукопись, когда, почему она такая?

Чтобы ответить на них, серьезный исследователь должен для начала собрать все источники – списки загадочной книги.

Известно, что самый первый из них был опубликован в 1862 году исследователем фольклора и старинных рукописей Павлом Бессоновым в «Приложениях» к четвертому выпуску «Песен, собранных П.В. Киреевским». Рукопись, которая была там напечатана, принадлежала все тому же уроженцу Семенова Степану Прохоровичу Меледину. В 1886 году фрагменты книги напечатал в своем «Нижегородском летописце» журналист Александр Серафимович Гациский: ему скопировали текст где-то недалеко от Светлояра, скорее всего, в деревне Шадрино.

Из исследований 30-х годов можно узнать, что новых, не опубликованных никем рукописей с тем пор появилось еще десять. Они – «в Публичной библиотеке в Ленинграде», в Историческом музее в Москве, а они попали туда из-под Ярославля, из Семенова и из окрестностей Светлояра.

Семь «Летописцев», как сообщил мне замечательный нижегородский архивист и краевед Борис Пудалов, хранится сейчас в Нижнем Новгороде. Два – в Нижегородской областной универсальной научной библиотеке имени Ленина. Остальные – в Государственном

архиве Нижегородской области. Из них три подшиты в «Дело об уничтожении часовни, построенной без разрешения начальства, и об опровержении летописца об этом озере и граде Китеже». Все попавшие в руки архивистам «Китежские летописцы» написаны аккуратными почерками, о которых специалисты говорят, что они принадлежат людям XVIII и начала XIX века. Переписчики пытались воспроизвести, как умели, древнюю каноническую графику – устав. Но рука торопилась и невольно выдавала другую эпоху.

Студент-филолог первого курса, если он, конечно, ходит на лекции, а не отдает себя всецело участию в художественной самодеятельности или флешмобах, назовет в «Китежском летописце» признаки сразу нескольких жанров древнерусской литературы и их стилей. Князя Георгий и Мстислав, как подобает персонажам их круга, произносят образцовые, длинные, полные банальной значительности речи, «слова», обращенные друг к другу. Именно так должен вести себя в древнерусской литературе положительный герой. Он должен говорить о принципах жизни во имя Бога и Отечества. В связи с князем Георгием и его родителями не раз повторяются слова «святой», «благочестивый» – все это черты жития. С ними соседствуют приметы воинской повести: описываются сражения с врагом, гибель героев, постройка крепости. Легко найти и приметы жанра поучения: книга наставляет, как должно жить честному человеку. Ну и, разумеется, бросаются в глаза пресловутые «точные даты»: все правильно, книгу так и называют «Летописцем».

Исследователем, который ее осмыслил, стал Василий Комарович – ленинградский литературовед. Собственно, говоря о 30-х годах, я привожу опубликованные им данные.

Родился он в первый день 1894 года в Нижегородской губернии, в селе Воскресенском, в двух десятках верст от Светлояра, в семье врача-окулиста земской больницы – человека для этих мест приезжего. Отец Леонид Васильевич приехал в село после столичного университета в 1885 году и оставил там о себе самую добрую память: он сумел победить главную причину слепоты у местного населения – трахому, для этого организовал поголовный осмотр местных жителей, приобрел для больницы глазной инструмент, создал операционную комнату, провел массу офтальмологических операций. Он работал в селе до 1896 года, а потом был переведен в губернскую больницу, стал доктором медицинских наук и все равно часто приезжал в Воскресенское.

Можно предположить, что в детские годы Василий Комарович постоянно слышал рассказы о чудесном граде Китеже, ведь легенда – поистине главная достопримечательность Поветлужья.

Становясь старше, человек все реже думает о том, что волновало его в детстве, о тайнах, которые он хотел тогда разгадать. Но бывают люди иного склада – для них такие тайны становятся частью жизни, смыслом работы. К таким людям наверняка относился и Василий Комарович. В 1912 году он окончил нижегородскую гимназию и уехал в Петербург – учиться на историко-филологическом факультете университета. В 1917 году выпускника оставили там работать на кафедре русской литературы. В начале 20-х годов Комарович ненадолго вернулся в Нижний Новгород и в незадолго до этого созданном университете вел древнерусскую литературу, читал лекции по классицизму, творчеству Пушкина, Гоголя и Достоевского.

Имя писателя из Нижнего Новгорода Николая Кочина, пожалуй, уже подзабыто. Он был молодым человеком «от сохи», из маленькой, наполовину мордовской деревни на юге губернии. В 20-х годах как крестьянский сын поступил в университет, учительствовал. И вскоре написал роман «Девки», разумеется, про «сложные процессы», происходившие в современном ему селе. Эту книгу критика встретила тогда одобрительно и определила ей место где-то не особенно далеко от «Тихого Дона». Нет, я не к тому, что время все расставляет на свои места. Иногда оно этого не делает, и мы забываем и теряем в прошлом что-то очень важное... Так вот, подзабытого писателя я вспомнил в связи с его другой пове-

стью – «Нижегородский откос». Там можно найти фигуру преподавателя литературы Мошкарovichа. Имя – Василий Леонидович – совпадает. Главный герой книги Семен Пахарев (говорящая фамилия – прямо как в пьесах Сумарокова!), поступив в университет, слушал его лекции. Но они казались ему слишком «научными», оторванными от жизни. Цитирую: Мошкарovich, «уже будучи тридцатилетним, заявил о себе интересными исследованиями о Гоголе и Достоевском. Одевался он изящно и никогда не позволял себе входить в аудиторию в шубе и в шапке, как другие. Произносил свои изысканные речи с чуть-чуть аристократической надменностью, избегая низких слов и просторечных выражений. Читал он очень содержательно и очень интересно». Однако профессор был объектом насмешек студентов. Один из них произносит издевательскую тираду: «Многоуважаемый Василий Леонидович! Не находите ли вы, что необыкновенное новаторство в современной поэзии далеко оставило за собой простенькие и общедоступные глагольные рифмы Пушкина и его примитивные ямбы». Изображен в повести Мошкарovich без малейшей симпатии. Ничего не поделать: на всех угодить трудно. Комарovich действительно сложился как настоящий академический ученый, который не делал, вероятно, скидки на запросы аудитории и хотел, что слушатели тянулись к его уровню.

В 1922 году Комарovich уехал в Петроград. Он вернулся в столичный университет, а еще преподавал в Институте истории искусств. Затем ушел исключительно в научную работу. Большинство трудов Комарovichа – о классиках русской литературы XIX века. Надо признать честно: эти работы сейчас не вспоминают – исследователей, писавших о Пушкине и Достоевском, в XX веке были тысячи. Еще Комарovich участвовал в составлении карточки Древнерусского словаря в Институте языка и мышления АН СССР, с 1934 года сотрудничал с отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. И все эти годы занимался поиском источников, связанных с Китежской легендой, обстоятельно изучил ее различные варианты и историю возникновения – благо возможности столичных библиотек и архивов это позволяли тогда делать. В 1936 году В.Л. Комарovich защитил по этой теме докторскую диссертацию, которую в том же году издал в виде монографии «Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд». Это было действительно первое исследование, написанное на самом широком круге материала: исторического, фольклорного, этнографического... Она ответила на многие связанные с легендой вопросы, позволила датировать время ее оформления, послужила фундаментом для дальнейшего исследования. И к сожалению, стала последней большой законченной работой ученого: он умер во время блокады Ленинграда 17 февраля 1942 года.

Его книгу никак нельзя назвать легким чтением. Не каждому хватит терпения разобраться в доводах, которые Комарovich приводит в своей монографии: мало кому из нас знакомы источники, с которыми он работал, упомянутые исторические персоналии.

В нижегородской фольклористике дело хорошего тона – сказать: «еще Комарovich писал», «по мнению Комарovichа». Но на самом деле большинство исследователей его монографию даже не открывали. Или подержали в руках, полистали, но до штудирования дела так и не дошло. А идеи этой книги... Да они как-то на слуху.

Комарovich опубликовал один из списков, скрупулезно пометив, где и в чем от него отличаются другие списки. Разница оказалась совсем небольшой – переписчики старались воспроизвести то, что они видели, не вмешиваясь в текст, не правя его, разве что теряя или искажая какие-то слова иногда. Ученый описал внешний вид рукописей. Толстая голубовато-серая бумага. К счастью, в прошлом на листах ставили водяные знаки с местом и годом выпуска. Так вот, самая ранняя из прочитанных дат – 1781 год и самая поздняя – 1807-й, замечен был и оттиск головы медведя – с герба Ярославля.

Ученый нашел тексты-первоисточники, из которых складывался «Китежский летописец», и сумел назвать время его появления. Он отнес истоки рукописи не к XIII, а лишь

к XVI веку. В ту пору, как он утверждает, в городецкой Иониной пустыни был переработан летописный отрывок под 1164 годом о том, как строился этот монастырь Андреем Боголюбским. В новом варианте этот князь был заменен Георгием Всеволодовичем. Горожане симпатизировали Василию Шуйскому, который стал царем, и в 1609–1613 годах сложилась новая редакция отрывка: владими́ро-суздальский Георгий Всеволодович там назывался родоначальником Шуйских. Это было неправдой. Но «возвышающий обман» явно доставлял удовольствие читателям. К одной легенде присоединилась другая – о Светлоярском озере, под которым, как считал Комарович, имели в виду озеро Святое – оно находится в самом Городце. Так родился «Летописец об убиении Георгия Всеволодовича». Другими источниками «Летописца» стали созданные в Заузо́льском Спасо-Раевском монастыре между 1702 и 1713 годами «Послание к отцу от сына из одного сокровенного монастыря, дабы о нем сокрушения не имели и в мертвы не вменяли скрывавшегося из мира» и «Повесть о сокровенном монастыре». В них содержалось глухое воспоминание о татарском набеге в 1408 году на Заузо́лье. Этим словом в окрестностях Нижнего Новгорода называют земли, которые лежат к северо-западу от впадающей в Волгу Узо́лы. Между прочим, в первых вариантах романа «В лесах» своих героев Павел Мельников называл именно заузо́льцами.

Тема набега соединилась с апокрифом о «земном рае». А в 80 – 90-х годах XVIII столетия заузо́льская «Повесть» и городецкий «Летописец о убиении» сложились в «Китежский летописец». Его составили старообрядцы, относящиеся к секте бегунов в окрестностях Ярославля – в селе Сопелки.

Вот так, собственно, и завершилось строительство «сокровенного града».

Ну а моя скромная задача состояла в том, чтобы сказать об этом осторожно. Еще не хватало вдаваться в подробности. Требовалась мера. Моя книга должна читаться легко. Она – для тех, кому нужны выводы. А специалист все равно обратится к первоисточнику. Или сделает вид, что к нему обратился?

* * *

Не простое это озеро, нет, не простое!..

Под водой его, на глубине неизмеримой, город сказочный стоит. А в город тот ход имеется. В прежние времена жил в нашей деревне старый человек по имени Герасим. Так вот он давным-давно, когда мы еще девчонками были, рассказывал, что в город тот в горе ход есть. Гора-то, мол, раздвигается, и можно идти по нему хоть пешему, хоть конному. Да что там конному, на груженных подводах в город проедешь!

Он, Герасим-то, говаривал, что сидел как-то раз утром на низком берегу Светлояра, напротив гор, да посматривал на ту сторону, где горы-то. И вот видит: к горам лошадей много-много, целый обоз держит путь. Каждая повозка доверху груженная мешками с зерном да свечами. Мешков-то много, а уж свечей – и того более... И кони только белые...

Вот подъехали они к этой горе, а она тут же раздвинулась как-то. И тут же весь обоз скрылся в горе, будто его и не бывало.

5

Книга об озере Светлояр должна быть с фотографиями. Это Олег Алексеевич повторил несколько раз.

Понятно, что добросовестно отщелканные пейзажи Светлояра – это, конечно, то, что требуется. Но – ведь совсем не то. Такое каждый увидит, кто приедет на озеро.

Были несколько свободных дней в майские праздники. И мы решили поехать в Ярославскую область. Не сказать, что исключительно ради пары снимков. Всегда интересно видеть, как живут соседи, погулять по другим городам, а особенно по городам с такой глубокой исторической памятью, как в этих местах.

Слушал вечером рассказы моего ярославского приятеля, листал книги об этом крае. И наткнулся на черно-белый снимок огромного бетонного памятного знака, стоящего на краю поля. Из подписи следовало: так отмечено место гибели русского войска во главе с Юрием Всеволодовичем.

– А где это?

Мой приятель пожимал плечами. Сить течет за Волгой, за Рыбинском. И впадает она не в саму в Волгу, а в водохранилище. Раньше впадала в Мологу. Но скажите сегодня это слово в Ярославле – и увидите, что во многих собеседниках оно разбудит самые сложные чувства.

Молога – маленький уездный город, затопленный при строительстве Рыбинской гидроэлектростанции в начале 40-х годов. Вам расскажут о том, что в жаркое лето поднимаются из воды камни этого города. Что те, кто его помнит, чье детство прошло там, в засушливые годы бывали на этих камнях, бывали на том месте, где лежат их предки.

Река Молога текла мимо города, и к нему когда-то приходили из Рыбинска небольшие пароходы.

Сить – это там. А памятник – тоже.

Сказать честно, я внутренне готовился к тому, что мы будем искать это место.

Даже пролистал путевой очерк побывавшего в этих местах нижегородского журналиста конца XIX века Александра Гациского. Но это не очень помогло.

Гацицкий – один из редакторов первой в городе газеты «Нижегородские губернские ведомости», создатель губернской ученой архивной комиссии и составитель уникального справочного издания «Нижегородка» с массой любопытных материалов об истории края, – был интереснейшей фигурой в жизни Нижнего Новгорода. Журналист прошел пешком в Поволжье сотни верст по следам замечательных людей и памятных событий прошлого. Он был в вотчинных деревнях и селах князя Пожарского и записывал там отголоски воспоминаний о Смутном времени. А здесь, между Волгой и Мологой, Гациский искал место роковой битвы на реке Сити, где poleglo русское войско.

Первая статья Александра Гациского об этом была написана в 1886 году и вышла в «Нижегородских губернских ведомостях». Он изучил перед поездкой все, какие смог найти, публикации летописей, исследования историков. И обстоятельно их изложил. Осталось чувство, что большая статья была каким-то конспектом, написанным им для самого себя – чтобы предварительно разобраться в том, куда же он поедет и где правильной вести поиск.

Путешествие его началось 8 июля 1887 года. Вначале Гациский поехал поездом в Москву, оттуда в Бологое, дальше – поездом же в сторону Рыбинска до станции Пищалкино. И оттуда – длившийся целую неделю пеший путь по деревням. В них он рассчитывал если уж не найти точное место битвы, то хотя бы послушать местные предания.

Такое место ему действительно указать никто не смог. Даже приблизительно. Некоторые говорили, что все произошло у деревни Боженка, которая была от Пищалкина недалеко.

Это самые верховья Сити. Другие считали, что все случилось у села Покровского в полутора десятках верст от ее устья. Многие сходились на том, что настоящее место – на среднем течении реки возле села Красного и деревни Лопатино.

Абсолютно все эти названия мне перед нашей поездкой ничего не говорили.

Во второй половине дня мы оказались в центре самого дальнего района Ярославской области – в поселке Брейтово.

Если выехать из него на юг по главной улице, то она перейдет в дорогу вдоль реки Сити. Асфальтированную, как следовало из топографической карты.

Низкорослые кусты, невзрачный, низкий осинник, серые, еще без травы луга – места вдоль Сити не радовали глаз. Впрочем, может быть, это просто потому, что апрель.

Шоссе действительно было сперва неплохим. Но буквально с каждым километром становилось все хуже. За селом Покровским это была уже хорошо накатанная, ровная дорога, которую следовало бы рисовать как «улучшенную грунтовую». Дальше на ней стала выражено углубляться колея, весенние лужи были местами глубоки, и наши предшественники их беспорядочно объезжали по обочинам. Копань. Большая Новинка. Соколы. Топорищево. За деревней Лопатино мы нырнули в небольшой овражек. И когда машина, ревя, выбиралась из него, увидели слева тот самый обелиск – с фотографии.

Метров на двадцать мы съехали с дороги на зеленую лужайку. Вышли из машины и двинулись в сторону этого сооружения. Обелиск был страшным и действительно поражал своими размерами. Это первое чувство, которое я испытал возле него. Серый прямоугольный бетонный объем был устремлен в серое небо. На плоскости, обращенной к нам, читались слова из летописи, а над ними царило тяжелое черное металлическое панно, изображающее картину древней битвы. И снизу лежали огромные ледниковые валуны.

Место гибели войска Юрия Всеволодовича

Мы долго присматривались к памятнику, фотографировали его, обсуждали.

А когда вернулись к машине, оказалось, что она продавила влажную лужайку и практически сидела на брюхе.

Сгущался вечер.

Мы проделали все, что могло бы как-то помочь ситуации: подкладывали под колеса толстые ветки, пробовали поднять домкратом. Самым сложным было увернуться от грязи, когда с воем прокручивались колеса, а машину я пытался толкать.

Наконец, я отправился в ближайшую деревню Лопатино. В ней жили одни старики. Они объяснили мне, что по этой дороге транспорт обычно не ходит, а уж в это время года вряд ли что можно ожидать. Колесной техники в Лопатине не водилось. Та же картина была в соседней деревне Топорищево. Там идти посоветовали во Власово. Это не больше часа. Говорили, что в той деревне живет тракторист. Но когда я добрался до Власова, тракторист «уже отдыхал». Зато мне сказали: если я завтра приду рано, то застану его. Он так и так поедет в нашу сторону, и его можно будет попросить спуститься с дороги.

Оставалось идти по темноте ни с чем к завязнувшей машине.

И – ночь в ней. Ночь апрельская, холодная.

Так это все-таки то поле или не то?

На правом штурманском сиденье я забывался иногда коротким сном.

Неужели именно здесь полегли сотни или даже тысячи людей – тем холодным мартовским днем? Среди этих кустов и осинников. И вот так же опустилась на поле слепая черная ночь – без звезд, без огонька, только с воем ветра.

Погиб последний самостоятельный, не подчинившийся ордынцам русский князь со своим войском – и оборвалась не просто история Древней Руси. Закончился путь вперед большого, широко расселенного древнерусского народа. И лишь спустя несколько веков на обломках его, там, где он жил, сложатся совсем другие человеческие общности. Среди них – русские, с другим языком, с другими представлениями о мире. Древняя речь покажется им невозможной, иногда трудно понимаемой архаикой.

Вероятно, современникам место гибели Георгия Всеволодовича было хорошо известно: его тело нашел на поле битвы епископ из Ростова Ростислав. Он опознал князя по его одежде и привез тело в Ростов. Головы не было. Ее нашли после. А спустя два года останки Георгия Всеволодовича перенесли в сожженный Владимир. Житие рассказывает о чуде: когда князя укладывали в гроб, отрубленная голова приросла к телу.

Георгий Всеволодович был провозглашен святым, и его мощи хранятся сейчас в Успенском соборе Владимира.

Так куда же он вел свое войско и зачем?

Скажу честно: меня никогда особенно не привлекала фигура этого средневекового князя. Никаких иллюзий не должно быть: человеку случалось идти с оружием на родных братьев. По воле его на поле брани русские сходились против русских и насмерть рубились, чтобы решить, чей же господин будет «володеть» ими всеми.

За год до смерти его отец Всеволод Большое Гнездо завещал великое княжение во Владимире Георгию – второму своему сыну, а не старшему Константину. Были нарушены традиции. И вскоре уже два князя делили престол, вовлекая в свое столкновение вначале братьев: Ярослав поддержал Георгия, а Владимир и Святослав – Константина. Затем все они обросли союзниками, которым что-то, вероятно, пообещали, – соседними князьями со их войсками. Смолене и новгородцы двинулись брать Владимир и Суздаль. Оборонять эти города были подняты жители Муром. Кто-то посчитал, скольких жизней стоил тогда великокняжеский стол?

В конце 1237 года на соседей – Рязанское княжество – двинулся Батый. И Георгий отказал соседям, просившим о помощи. Он сказал, что хочет «сам особь брань створити». Послы Батыя требовали дань с Рязани и Владимира. В Рязани им отказали, во Владимире – одарили. Но тем временем сыновья Георгия Всеволод и Владимир выдвинулись с войском навстречу Батыю.

Пали Рязань, Коломна, Москва. Первый сын Георгия бежал во Владимир, погубив все войско. Второй – попал в плен.

Георгий покинул свой город, оставил в нем жену и детей. Он отправился на север, за Волгу.

После осады, длившейся несколько дней, все во Владимире погибли страшной смертью.

Но куда же двигался Георгий, почему он не остался оборонять свой город? У историков есть ответ на этот вопрос: он пошел собирать войско. Но надо понимать простую вещь: до ближайших городов в том направлении были сотни верст. Кончался февраль, и дороги должно было вот-вот развезти, тронулся бы лед на реках. Допустим, расстояния удалось бы преодолеть. Тогда сколько времени ушло бы там на сборы? Когда князь смог бы вернуться с подмогой во Владимир?

Или он надеялся достичь своего волшебного Китежа, который построил еще до собственного рождения? Того крепкого города, скрытого в тайге.

Неужели он просто хотел спастись, затеряться в лесах – заволжских, вологодских? Да, это могло получиться, если бы тогда началась ранняя оттепель. Ведь еще несколько дней – и лед на Волге перестал бы держать всадников, погоня остановилась бы, никто не рискнул бы двинуться в неведомый болотистый край.

Но – все получилось по-другому.

Четвертое марта. Сить. Страшные звуки боя. Кровь. Стоны. Нет спасения.

Не нам судить этих людей. Не нам тревожить тень средневекового князя, который – как бы он ни жил – принял смерть от врага на поле боя. Тем более князя святого, канонизированного церковью.

Но отчего же было так тревожно той ночью? Отчего мне слышались в шуме ветра человеческие голоса – страстные, но невнятные, не способные словно бы преодолеть черту, за которой слова станут явственными?..

Затекшие ноги. Холод. Светает. Вылезаю из машины. Дождь мелок. Дорога раскисла еще сильнее. До деревни Власово всего шесть километров. И там уже, наверное, проснулся тракторист Беляев.

– Так как же вы туда попали? – спрашивает он, стоя в дверях.

Сбивчиво объясняю про книгу, про фотографии.

– Из самого Нижнего Новгорода? Да-а...

И вот мы уже едем, переваливаясь из одной колеи в другую по скользкой дороге в сторону обелиска. Беляев как всякий серьезный, основательный человек средних лет осторожничает, прикидывая, как ехать по лужайке. И правильно: еще его технику не хватало тут засадить.

Рывок, потом еще один – машина поползла на тропе к дороге.

– Это то самое место. Князь действительно здесь погиб, – объясняет нам тракторист. – Если вам будут говорить, что не тут, не верьте. Вот рядом деревня Юрьевское – это в память о нем назвали. А дальше по дороге на Некоуз будет Станилово. Это там его стан был... В следующий раз вы в сразу в Станилово идите – там техники много, гараж целый есть. Оно, конечно, дальше, чем в нашу сторону, но уж там точно помогли бы, и не пришлось бы всю ночь сидеть...

О каком таком следующем разе рассуждал тракторист Беляев, не знаю.

Мы потихоньку покатались по дороге. Она становилась лучше, суше. А после Станилова на ней вообще стала ощущаться твердая щебенка.

Остановились на мосту через Сить у деревни Бутовской. Речка Сить была бурной – играли в ней вешние воды, торчали из них кусты. И это я тоже снял для книги.

Спустя два года – работа шла тяжело и долго – я любовался этими фотографиями в верстке. Хотя, наверное, чужие люди не смогли бы этого понять. Обелиск – да, большой, бетонный. Речка – а вот таких много, с любого среднего моста снимешь что-то подобное.

Верстка не была еще вычитана. И я обнаружил под снимком подпись сделанную кем-то: «Река Сити». Судя по всему, это была не опечатка: прочитали «на реке Сити» – и решили название не склонять.

Может быть, автор подписи по-своему, чувствуя себя в ауре модного в нашем веке английского языка, понял: ведь князь Георгий защищал в той последней битве свой город.

* * *

По восточному и южному берегам Светлояра идут горки песчаные, не больно высокие, на них растет сосновый и березовый лес. Многие так и называют поэтому ту окрестность всю «Горы», а не озеро, не Светлояр. Иногда спрашиваешь:

– Куда пошел?

– На Горы.

Я думаю, горы эти здесь неспроста. Наверное, это курганы, в которых древние племена хоронили своих вождей – хоронили богатство, с оружием, со всеми их вещами и со слугами. И горы эти для древних людей были более важным местом, чем озеро, – ведь сюда, к предкам, приходили просить помощи, когда терпели неудачи, приходили праздновать победу, благодарить за нее. Так что это название – Горы – и удержалось за здешними местами с самой древней поры.

6

Книга долго не двигалась вперед. Для начала она словно бы накапливалась. Выбирать было из чего. В библиографическом отделе областной библиотеке целый ящик карточек на газетные статьи о Светлояре и граде Китеже. Конечно, посмотреть можно все или почти все.

Судя по этому переполненному ящику, путешествовать на Светлояр, наблюдать и слушать паломников, размышлять о необычном месте за Волгой к концу XIX века стало уже необходимым делом чуть ли не для любого пишущего человека в Нижнем Новгороде, если он, конечно, хотел рассказать об удивительных местах своего края. Но только по-настоящему яркие люди умели увидеть здесь что-то свое, и спустя сто с лишним лет их текст, их имя заслуживали бы того, чтобы вернуться к нам. Постоять рядом с чудом приезжали сюда и литераторы столичные.

И любые такие путешествия вызывают уважение. Это сейчас на машине ехать от Нижнего Новгорода до Владимирского пару часов (если вы, конечно, не попадете в пробку перед мостом). А сколько дней требовалось на это в позапрошлом веке?.. От Нижнего Новгорода до Светлояра сто верст заволжской тайги – с бездорожьем, с тучами комаров, с болотами, с небольшими коричневыми лесными реками, которые надо было переходить вброд: Линда, Керженец, Люнда, и десятками, десятками речек совсем малых. Но ведь так хотелось все увидеть своими глазами! И мы можем себе представить Светлояр тех лет только с помощью таких людей... Надо делать выписки.

«Под холмами, угорами, по-нашему, прилегающими к озеру, стоит город Великий Китеж с собором, монастырями, церквями и старинной крепостью, в которой якобы скрылся великий князь Георгий Всеволодович после какого-то небывалого сражения с Батыем на луговой стороне Волги, под Малым Китежем, нынешним Городцом... В городе том и поныне живут невидимые труженики». Так писал о Светлояре Николай Толстой в своей книге «Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии».

Он издал это свое сочинение в типографии Московского университета в 1857 году. По сути, это самая первая краеведческая книга в Нижегородской губернии, если не брать книгу о самом Нижнем Новгороде, почти одновременно с ней выпущенную чиновником Николаем Храмцовским, который с увлечением изучал местную историю.

Толстой, бывший военный, а в ту пору помещик, живший в Поветлужье, сын вице-губернатора, исходил и изъездил леса и деревни между Волгой, Керженцем и Ветлугой. Как владелец земель и крестьян, он чувствовал свой долг в том, чтобы налаживать, как уж получится, здесь жизнь, наставлять людей на что-то доброе. Толстой думал о судьбах лесозаготовки, тушил пожары, пробовал торговать, участвовал в сборе статистических данных, писал статьи для столичных журналов. И в его публикациях о быте, хозяйстве, нравах местного населения современные этнографы, историки, экологи могут сегодня найти ответы на множество волнующих вопросов. Кстати, Льву Толстому он приходился не однофамильцем, а троюродным братом. И великий писатель интересовался его жизнью и публикациями – об этом сохранились записи в дневниках. Николай Толстой не смог пройти мимо озера Светлояр, которое считал главной достопримечательностью этих мест. Но писать о нем ни слова больше не стал. Он пояснил, что убежден: другие, ну, например, Павел Мельников, сделают это куда лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.